Николай Духинов

Вера

Николай Духинов

Вера

«Издательские решения»

Духинов Н.

Вера / Н. Духинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960582-5

Дружба, любовь, сострадание, честность и честь — банальные и избитые повседневностью истины, но разве без них можно обрести счастье? Что такое настоящее счастье? В чём его суть и в чём смысл жизни? Возможно, кому-то удастся приблизиться к ответам, задумавшись над историей героев книги. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960582-5

© Духинов Н.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I. Дять	6
Глава 1. Друзья	6
Глава 2. Дять-Виталь и Дять	18
Глава 3. И помощь пришла	23
Глава 4. Легенда	32
Глава 5. Скрытая цель	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вера

Николай Духинов

© Николай Духинов, 2018

ISBN 978-5-4496-0582-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I. Дять

Глава 1. Друзья

Очередная годовщина, очередной октябрь, уже восьмой по счёту. Тот самый день, в который никто из троих друзей не планировал иных дел, кроме обязательной встречи в том же составе, в то же время. Ровно в девять утра, собравшись в условленном месте, они, в молчаливом приветствии пожав друг другу руки, направились к первому пункту однажды и навсегда утверждённого маршрута...

Раннее серое промозглое утро второй половины октября. Пустынный для пешеходов уголок восточной окраины Москвы, зажатый со всех сторон кольцом автомобильных магистралей и железной дорогой Казанского направления. Летом местечко не кажется унылым – это всё-таки часть старинного парка известной московской усадьбы, пусть и отрезанная от него улицами с вечными пробками. Но сейчас, словно повинувшись настроению трёх друзей, несмотря на транспортную суету вокруг, местечко выглядело тихим и отрешённым от мира островом.

К месту встречи, не торопясь, они подошли почти одновременно. Первым появился высокий представительный мужчина. Он вышел из припаркованного недалеко чёрного внедорожника. Сказав несколько слов водителю, мужчина не спеша двинулся к условленному месту, поднимая на ходу воротник пальто, ёжась от холода и противной мороси. Глядя на серьёзного господина, топчущегося под водяной пылью осеннего дождя, можно подумать, что через некоторое время к нему присоединится ещё один или несколько похожих «хозяев» нынешней жизни. Ещё минута-другая, и припаркуется рядом парочка лимузинов с затенёнными стёклами в сопровождении авто охраны... Однако через пару минут ничего похожего не произошло. Через пару минут он приветствовал двух товарищей, выглядящих совершенно обычно.

Не успел толком господин оглядеться по сторонам, как со стороны железнодорожной платформы показался парень, шагающий неторопливо, но целеустремлённо. Мужчина, увидев молодого человека, оживился и, искренне обрадовавшись, сдерживая радостную улыбку, тронулся было навстречу. Шум подъехавшей машины на секунду отвлек внимание. Он обернулся на звук хлопнувшей двери остановившегося рядом такси и остался на месте, ожидая когда оба – парень, идущий со стороны платформы, и второй, вышедший из такси, – подойдут к нему.

На первый взгляд, троица мужчин может показаться странной, вызвав недоуменный немой вопрос: «Что же связывает этих людей?» Быть может, возраст? Но и по возрасту, на тот же первый взгляд, троица разнится значительно. На самом же деле они ровесники. Самому старшему почти тридцать восемь, а младший лишь на два с половиной года моложе.

Непохожи всем: внешним видом, темпераментом и поведением. С другой стороны, если принять во внимание, что противоположности склонны тяготеть друг к другу, то нет ничего удивительного в капризе судьбы, навсегда связавшей жизни друзей.

Они знали друг друга давно, с самого детства. Для двоих, Николая и Тимофея, отношения начались с детской дружбы, а третий – Алексей...

Третьего двое сначала считали не то чтобы врагом, но недружелюбно настроенным соперником уж точно. В этом нет ничего особенного. Алексей – самый старший, да и к тому в детстве – лидер компании соседнего двора. Но об этом немного позже...

Младший, Николай, на фоне товарищей всегда выглядел не очень-то серьёзно. Тридцать пять лет ему никак не дашь. Двадцать пять – да, с очень большой натяжкой – тридцать. Интеллигентного вида, ростом выше среднего, худощавый и энергичный парень. Улыбчивый и, кажется, дружелюбный, но присмотревшись внимательней, чувствуешь, что перед тобой очень непростой человек, с насмешливым и язвительным характером. Одет вроде обычно,

но с каким-то неуловимым шармом: совокупность с одной стороны утончённого вкуса, а с другой – некоторой непутёвой расхлябанности. Показная небрежность в одежде – скорее всего, часть созданного Николаем имиджа. Он – эдакий вечный мальчик со взглядом умудрённого жизнью взрослого человека.

В детстве и юности несоответствие внешнего вида реальному возрасту вызывало у Кольки некоторую закомплексованность. Легко представить себе, что должен чувствовать молодой человек, скажем, двадцати семи лет, когда окружающие его принимают за студента-первокурсника или, ещё хуже – за школьника. Однако к тридцати пяти годам юношеские комплексы Николая уже не беспокоили. Даже напротив, своей молодостью он чертовски доволен. Причина произошедшей перемены лежит во вполне понятной плоскости: с некоторых пор Коля отчётливо почувствовал, что женщины всех возрастов смотрят на него с благожелательным интересом. Приятно для мужчины, не правда ли? Но, кроме морального удовлетворения, интерес посторонних женщин для него давно не имеет никакого значения. Всё дело в том, что последние восемнадцать лет Николай влюблён. Предмет его долгой, нежной и трепетной страсти – собственная жена Лена.

Для женщин Николай представляет недостижимую цель. Впрочем, он любит поболтать о том, о сём и ни о чём с симпатичной ему девушкой или дамой, галантно пофлиртовать в меру. Образ милого мальчика Коля культивирует всю жизнь и считает лучшим выбором. Труда особого ему это не составляет. Он действительно интеллигентный, приятный, симпатичный молодой человек – лёгкий и весёлый в общении. Да и к тому же одна небольшая особенность с детства приковывает к нему внимание всех без исключения. Николай рыжий! По-настоящему. Можно даже сказать, вызывающе рыжий, без полагающихся обычно рыжим людям каких-либо конопушек на лице или ещё где-нибудь на теле. Для многих такая необычность внешнего вида могла бы превратиться в проблему, но только не для Кольки. С детства он с гордостью носит свою шикарную шевелюру, избегая частых посещений парикмахерской. Наверное, слышанные им в раннем возрасте восторженные восклицания взрослых вроде: «Ой, какой миленький мальчик! Какой красавчик!» – подтолкнули Николая к созданию образа приятного во всех отношениях, непосредственного в общении мальчишки. Ему оставалось лишь научиться поддерживать внимание к своей персоне правильным образом: «Миленький мальчик? Да, я такой! Ещё к тому же умный, речистый, словно соловей. Посмотрите на меня! Разве я не хорош?»

Его свояк и друг Алексей – стопроцентная противоположность. В отличие от Николая, возраст Алексея всегда угадывали правильно, иногда с невообразимой точностью, вплоть до полугода.

Алексей Михайлович Бродкин – только так и никак иначе для малознакомых людей, а для друзей – Лёха. Почему для остальных столь официально? Никто и не рискнёт фамильярно обратиться к этому господину. Алексей – очень представительный мужчина, словно сошедший с обложки журнала герой, олицетворяющий успех, достаток, удачу и грозную силу настоящего самца. За метр девяносто, широкоплечий, мощный на вид и одновременно стройный. Черты лица немного грубоватые, но не отталкивающие и в целом приятные.

В отличие от Кольки, говорливого болтуна, Алексей немногословен и с виду немного флегматичен. Но при этом он производит впечатление умного, отвечающего за каждое слово мужчины. Его речь – скупая, но складная – всегда по делу и к месту. Однако в случае необходимости Алексей вполне может заболтать любого, легко обставляя в этом младшего товарища.

Сильный внешне и внутренне, он производит впечатление очень жёсткого человека. К такому хулиганы на улице не подойдут, вне зависимости от численного превосходства. От Лёхи будто веет животной необузданной силой. Свой колючий оценивающий взгляд он изредка, бывает, усиливает нехорошим прищуром, убивая напрочь даже намёк на слабую попытку оппонента в чём-то перечить.

Поскольку природа не наградила Алексея пышной шевелюрой, да и лысеть он начал рано, решение с причёской Лёха принял логичное и естественное: «Налысо и побрить!» Алексей всегда уделял внешнему виду самое пристальное внимание. Одежда – самая лучшая, будь то повседневная домашняя или официально-деловая. Деловой костюм – обязательно сшитый на заказ, идеально подогнанный по фигуре. В этом нет ничего удивительного. Директор и совладелец солидной фирмы обязан выглядеть соответственно. Хотя, одна характерная черта, своеобразный пунктик, в манере одеваться у Алексея всё же есть.

Алексей ненавидит всевозможные украшения, особенно ювелирные. Он никогда не носил ни часов, ни запонок, ни заколку на галстук, ни, упаси Господь, золотую цепь на шею навесить, не говоря уж, чтобы какие-нибудь кольца или печатки напялить. Из украшений у него только обручальное кольцо – самое простое. Неприятие ювелирных цапек дополняет нелюбовь Алексея ко всякого рода парфюмерным изыскам. Из необходимых каждому мужчине косметических средств Лёха использует исключительно не имеющие никакого запаха или, в крайнем случае, с запахом нейтральным и еле уловимым.

Последний из троицы друзей, Тимофей, – главный герой повествования. Ему тридцать шесть. Он не выглядит на свой возраст, но и слишком молодым его не сочтёшь. Глядя на Тимофея, любой скажет: «Около тридцати, скорее чуть старше...»

Тим – обычный с виду молодой мужчина: среднего роста, приветливый и улыбчивый, далеко не красавец, но приятный и обаятельный. В нём нет Лёхиной брутальности или Колькиной язвительной насмешливости. Крепкого телосложения, не худой и не толстый, Тимофей чем-то напоминает медведя. Он немного сутулится и чуть-чуть косолапит при ходьбе, выворачивая слегка левую ступню и приволакивая ногу. Непутёвая походка – следствие серьёзной травмы, полученной в молодости. Когда вы увидите его впервые, не возникнет и тени сомнения, что перед вами человек среднего достатка: довольный жизнью, ухоженный и опрятный, скорее всего счастливый глава многочисленного семейства – обычный работяга, выбившийся в мастера или прорабы. Такой с неба звёзд не хватает и живёт счастливо тем, что у него есть. Единственное, что может сбить с толку, – манера общения. Речь Тимофея не соответствует первому впечатлению – уж больно красиво и правильно он говорит. Однако это не вносит диссонанса в первоначальное впечатление. Достаточно предположить, что работяга выбился в люди не просто так и, благодаря талантам и большому опыту общения с разными людьми, развил в себе такую особенность. Почти все впервые встречающие его приходят к похожему мнению. И все они, все без исключения, ошибаются в своих выводах.

Действительно, Тимофею пришлось потрудиться на рабочих специальностях, и во многих он безусловный эксперт. Более того, его хобби до сих пор позволяет поддерживать высокий уровень навыков. Что же касается социального статуса...

Ох уж этот пресловутый статус! Не дай Бог кому-нибудь со всей серьёзностью начать рассуждать о социальном статусе, социальном лифте и прочих «цветовых дифференциациях штанов» в присутствии трёх друзей. Очень быстро этот человек почувствует себя не очень-то уверенно. Лёха ничего не скажет, лишь улыбнётся про себя. Тим не удержится от смущённой улыбки, он почувствует себя неловко, может, даже устыдится за такого. А вот Колька...

Николай высмеет разглагольствующего с умным видом собеседника ничуть не стесняясь, включив на полную свой дар язвительного насмешливого красноречия. Да ещё и парочку не совсем приличных анекдотов в тему расскажет. А уж если демагогу не хватит сметливости перевести разговор в шутку и он затеет с Колькой спор... Эх, тут не только Тимофею, в такой ситуации любому его будет жалко. Разделает Николай собеседника со всеми его жизненными установками в пух и прах. Выбора не оставит. Придётся спорщику замолчать, развернуться и уйти несолоно хлебавши. Если незадачливый спорщик – мужчина, то переходить на личности ему уж очень не советую. Вне зависимости от того, есть у Кольки за спиной два крепких друга или нет, он способен постоять за себя.

Три друга, непохожие внешне, духовно очень близки. Взгляд на жизнь, жизненные цели и моральные устои у ребят одинаковы. Бывает, собравшись вместе, они спорят до хрипоты, случается, и обижаются друг на друга. Но как поругались, так и помирились. Уж слишком долго они вместе и жизни их настолько переплелись, что ничто не сломает дружеских отношений. Периодически возникающее недовольство скорее верно для отношений Тима и Кольки. Они вечные спорщики, а Лёха – арбитр и судья. Хотя, привычные споры для ребят – лишь обмен мнениями единомышленников и на самом деле – упражнения ума с отработкой риторических приёмов. Да и спор-то обычно сводится к тому, какой из итоговых общих выводов обсуждаемой темы поставить во главу, а какие принять за второстепенные.

Что касается взаимоотношений Алексея и Коли, то по сути они достаточно просты, а при взгляде со стороны, особенно в дружеском кругу, у человека, не знакомого с ними близко, может возникнуть множество вопросов. Алексей и Колька представляют собой довольно разительный контраст двух типажей, и люди, впервые ставшие свидетелями их общения, постоянно испытывают стойкое недоумение и непонимание: «Почему мачо терпит этого хамоватого хлюпика? Не просто терпит, но и к тому же заискивает перед ним!» Николай вечно панибратски подшучивает над другом, а тот, с виду, лишь не совсем удачно пытается огрызнуться. Словно это Колька – мужественный герой, а его друг – хлипкий на вид интеллигент. Но внешний показной антураж, которым они обставляют свою весёлую и давно ведущуюся перепалку якобы в одни ворота, на самом деле скрывает истинные дружеские чувства, усиленные к тому же родственными отношениями. Незнакомцам и не понять суть сцены, что разыгрывают перед ними два закадычных друга. Впрочем, играют они лишь для себя и их вовсе не волнует чьё-то мнение.

История близкого знакомства Николая и Лёхи произошла в конце июля далёкого восьмидесяти третьего года. До этого Лёха знал Николая и относился к нему весьма неважно. Он считал Кольку кем-то вроде рыбы-прилипалы рядом с акулой. Акула, понятное дело, – Тимофей.

Тим и Лёха с детства соперничали. Они учились в одной школе, только Лёха на класс старше. Алексей – неформальный лидер в своём дворе, а Тим – в соседнем. Дворы, несмотря на непосредственную близость друг к другу, постоянно конкурировали. Именно конкуренция, а не вражда, и конкуренция во всём. К тому же Тим и Лёха занимались в школьной спортивной секции самбо. Примерно одного возраста, веса и силы, постоянные спарринг-партнёры, несмотря на все усилия, на борцовском ковре ни один из них так и не добился явного преимущества. В детстве и ранней юности, уважая друг в друге достойного соперника, о дружеских отношениях они и помыслить не могли.

Колька в глазах Лёхи представлялся маленькой собачкой, которая только и может, что тявкать из-за спины хозяина – трусливое, никчёмное создание. Усугубляло негативное отношение ещё и то, что Николай лишь в каникулы приезжал в гости к деду и бабушке. Алексей считал Колю чужаком, выглядящим весьма непрезентабельно и жалко: неполных тринадцати лет, маленький и хилый на вид ребёночек – пустое место с гонором.

В юности, как и большинство сверстников, Лёха переживал период подросткового максимализма. Он красил весь мир исключительно в два цвета: чёрный и белый. Однако такой подход к пятнадцати годам уже давал трещины. Как раз в возрасте пятнадцати лет в картине мира к белому и чёрному Лёха начал добавлять некоторые промежуточные оттенки серого. Наверное, тому способствовала его первая влюблённость – чистая и непорочная.

Девочка Лёши, Таня, жила во дворе Тима и училась с ним в одном классе. Но, несмотря на прекрасное отношение к Тиму, своим кавалером она выбрала Лёху. Лёше очень льстило то, что предпочтение Татьяна отдала ему. Они встречались уже более двух месяцев, с середины мая.

Тот памятный день Лёша проводил в общении с Танюшей. Они, держась за руки, вошли в его двор в момент кульминации жестокой и бескомпромиссной, явно не до первой крови,

драки. Мелкий Колька отчаянно отбивался сразу от трёх парней, каждый из которых на голову его выше и по весу тяжелее чуть ли не в два раза. Отбивался не без успеха, отвешивая точные удары то одному, то другому противнику. Но и Кольке досталось очень крепко. Он оставался на ногах, сражаясь из последних сил, без сомнения проигрывая схватку. От окончательного поражения Колю спасло появление Лёхи и Тани, вернее сказать – Тани. Увидев происходящее, она бросилась в самую гущу побоища и, растолкав противников Николая, закрыла его собой.

– Вы что?! Озверели?! – в ярости закричала она. – Сволочи! Вы что творите?! Трое на одного! Коленька, милый, как ты? Что они сделали с тобой? Вот гады!

Таня, достав из кармана цветастый платочек, пыталась остановить кровь, хлеставшую из носа Кольки.

– Тань, ты чего? – начал Лёха.

– Да иди ты... – Татьяна добавила несколько точных направлений, куда надобно следовать Алексею и его товарищам.

Обескураженный Лёха молча смотрел, не веря глазам, на невозможную в его понимании ситуацию: девушка, с которой он всего лишь несколько минут назад страстно целовался, уводит Николая, оборачиваясь и бросая на Алексея взгляды, полные ненависти и презрения.

Лидерство не такое уж простое дело, особенно если желаешь лидерства справедливого. Лёха, сдерживая эмоции, с невозмутимым видом немедленно приступил к дознанию с целью выяснить обстоятельства отвратительного происшествия, которому стал свидетелем в присутствии своей девушки.

– Что за дела, Ваня? Вы что, действительно умом подвинулись? – обратился он к самому адекватному из троицы.

– Лёш, – подбоченившись, пытаюсь держать себя по-взрослому, начал объяснять Иван, сплёвывая сгустки крови, – этот рыжий совсем ополоумел...

– Какое ополоумел? Его же каждый из вас соплёй перешибить может!

– Лёха, он ворвался во двор и начал метелить всех подряд, – в тон Ивану вторил один из ребят, потирая скулу.

– Да вы чего? Совсем разум потеряли? Он – и метелить?

– Ага! Юрасик и Петька во дворе были. Мы потом подтянулись, – продолжал Ванька, потупившись.

– Где они?

– Домой пошли.

– Что значит «домой пошли»? – Алексей начал терять терпение. – Какое «домой»?

– Рыжий их отдубасил так, что мама не горюй!

– Этот? Отдубасил? Юрасика и Петьку? Двоих?

– Он реально крутой, – встрял неожиданно третий, Сашка по прозвищу Ватсон. – Ты бы видел его глаза – взгляд безжалостного убийцы...

– Ватсон, ты бы поменьше детективов читал. «Крутой!», скажешь тоже, – раздражённо прервал его Лёха.

– Не знаю я, с чего он на них накинулся, – продолжил извиняющимся голосом Иван. – Видел из окна, как он с дрыном за ними гонялся по всему двору. Мы потом выскочили. Юрасик домой побежал, а следом и Петька. Ты бы их видел, Лёха!

Дело прояснилось немного. Выходило, что Колька пришёл один в чужой двор и накинулся на двух здоровых по сравнению с ним парней, избил их, а эти три дурня впряглись, не разобравшись, чуть позже. На сумасшедшего Колька явно не похож. Видать, по серьёзной причине рыжий парень вступил в заранее проигрышный бой. По причине настолько важной, что он немедля, как только узнал, кинулся сюда творить расправу и праведную, с его точки зрения, месть.

Весь остаток дня Лёха провёл в раскапывании причин неординарного поведения Коли и не без труда выяснил всё. История приключилась аховая, и в ней Николай прав на все сто! Лёха на его месте поступил бы ровно так же, если не ещё суровой. А ситуация заключалась в следующем...

Мелкие детки обоих дворов устроили обычную забаву тех лет. Собравшись в две команды по дворовому принципу, восьми—одиннадцатилетние ребята и девчонки затеяли игру в войнушку, где в качестве основного оружия использовались брызгалки с водой, сделанные из пластиковых флаконов из-под шампуня. В весёлой и безобидной летней возне команда двора Тима одержала верх и загнала противников в их двор. Случайно или в азарте игры одна из девочек, Тася, облила водой двух старших ребят, Юрасика и Петьку. Те, возмутившись, решили её наказать. Они легко поймали девочку и... За такое бьют сразу и без разговоров. Бьют сильно. Бьют так, как бил их Николай. Эти два четырнадцатилетних урода лапали маленькую девочку своими грязными руками. Для Лёхи, переживавшего первый в жизни роман, произошедшее не укладывалось в сознании.

Выходило, что рыжий Колька вовсе никакая не трусливая собачка, напротив – стоящий парень. Колька бился за правое дело, а он, Лёха, стоял и смотрел на творимое его друзьями несправедливое зло. Он не вмешался и не остановил сразу безумную и жестокую драку. Вместо него это сделала Танька. Лёха не долго размышлял о случившемся. Чего, собственно, размышлять-то?

Решение Алексей принял тут же и, не откладывая в долгий ящик, приступил к исполнению. Он направился в соседний двор для того, чтобы извиниться перед Тасей, Колькой, перед Тимом и всем их двором. Он поступил, как должно – так, как велела совесть. Извинения, пусть и не сразу, приняли все. С этого случая началась его дружба с Колькой и Тимофеем. Всего через неделю Лёха вполне естественно и легко влился в компанию Тима. Два соперничающих, казалось, вечность двора превратились в один.

Долгое время Лёха полагал, что Николай – единственный человек, который не только удивил, но и резко поменял его судьбу. Так он считал до тех пор, пока не встретил другого человека, оказавшего на него ещё более сильное влияние, чем Коля. По иронии судьбы этот человек – родная сестра Николая. Лёша познакомился с ней на свадьбе Николая и Лены...

Николай, несмотря на то что самый младший, первым из трёх друзей создал семью. В тридцать пять лет Колька, счастливый многодетный отец, любил удивлять новых знакомых этим фактом. Он наблюдал с внутренним удовлетворением за реакцией человека, восхищённого тем, что, оказывается, у молодого парня есть старшая дочь почти на выданье и ещё двое детей-подростков.

С Еленой Коля познакомился в институте. Он влюбился в будущую жену с первого взгляда, в тот самый миг, когда увидел её на одной из первых лекций. Целый год он сох по ней, не смея подойти. Факультет технического вуза, где они учились, никогда не пользовался большой популярностью у абитуриенток. В шутку факультет называли мужским монастырём. В группу Николая входили одни парни, да и на всём потоке из двухсот с лишним студентов девушек училось всего восемь. Легко представить, какое внимание в институте оказывали им мальчишки. Немудрено, что симпатичную Лену постоянно окружали поклонники. Елена, принимая ухаживания окружающих воздыхателей, почему-то никому из них не отдавала явного предпочтения. Колька ревновал и страдал, тем более что виделись они исключительно на лекциях.

Можно подумать, что нерешительность Николая связана с маленьким опытом общения с девушками, а точнее с отсутствием какого бы ни то было опыта. На самом деле нерешительность охватила Николая по совсем иным причинам. Несмотря на юный возраст, почти семнадцать, Коля считал себя умудрённым опытом мужчиной. Впрочем, такое сомнение свойственно всем молодым людям.

Мальчишки в возрасте, близком к совершеннолетию, любят прихвастнуть перед сверстниками мнимыми, как правило, победами на любовном фронте. С этим ничего не поделаешь – таков их возраст. Что же до Кольки, то в мужских разговорах он всегда молчал, выслушивая с улыбкой фантазии институтских однокашников, выдаваемые за реальность: «Грош цена такому!» С высоты немаленького по сравнению со сверстниками опыта Николай полагал, что для настоящего мужика с кем-либо обсуждать женщин, подаривших ему любовь, совершенно недопустимо.

Отчего такая нерешительность? Трудно однозначно ответить. На самом деле для Николая и для девчонок, с которыми у него дошло до постели, произошедшее не более чем игра гормонов, а с Еленой всё складывалось по-другому – серьёзно. Серьёзность чувств останавливала Кольку от общения с ней целый год.

В начале второго курса Николай сделал над собой усилие и подошёл к Лене. Первый разговор выглядел ужасно смешно. Супруги сами пришли к такому выводу много лет спустя. Смешно, глупо, наивно! Для обоих. Колька без полагающегося вступления, с места и в карьер, попросил Лену помочь с английским, а она, ничуть не сомневаясь, будто они давно и близко знакомы, тут же ответила: «Конечно, я помогу. Ты готов встретиться после занятий?» Не нуждался он ни в какой помощи, а она не так уж хорошо знала предмет, чтобы помочь. Весь первый курс Ленка, отвергая одного за другим ухажёров, ждала, когда же наконец рыжий бестолковый мальчишка наберётся смелости и подойдёт к ней. Среди двухсот с лишним парней она выбрала его – Кольку, первого и единственного мужчину в жизни.

Коля и Лена поженились в начале девяностого года. Причина ранней женитьбы банальна – ребёнок. И это не случайность. Молодые люди планировали создать семью к окончанию учёбы, но, рассуждая о браке со взрослой основательностью, в душе оба желали совсем иного. Они хотели жить вместе, хотели любви и детей. В какой-то момент Коля и Лена отставили осторожность в сторону...

«Я стал отцом! У меня дочка!» – радость и гордость переполняли Николая. В тот день с утра он не находил места – волновался и переживал. Что-то заставило его сбежать с последних двух пар и погнало на другой конец Москвы к родильному отделению районной больницы. В дождливый майский день Николай не замечал капризов природы, лишь досадуя на мелкие дорожные неприятности, не позволяющие скорее добраться к неказистому зданию больницы, где на сохранении уже почти две недели лежала Ленка.

Когда, преодолев все трудности долгой дороги, промокший насквозь, он наконец добрался, почему-то его не расстроило то, что в списке родившихся, висящем у двери перед входом, долгожданная запись отсутствовала. Он уверенно открыл дверь и направился к стойке регистратуры. Две полноватые женщины в белых халатах прервали неспешную беседу и с удивлением посмотрели на него. Колька назвал фамилию.

– Там на входе... – начав фразу, одна из женщин, заглянув ему в глаза, почему-то тут же прервала её и подняла телефонную трубку. – Какое отделение? Фамилию повторите, пожалуйста... У вас двадцать минут назад родилась дочь, поздравляю...

Ошалелый Колька со светящимся стоваттной лампочкой лицом стоял и слушал женщину, привычно и без выражения наговаривающую обычную в таких случаях информацию: вес младенца, рост, самочувствие мамы... «Мама! Ленка теперь Мама! А я – Папа! У нас дочка! Оля – наша дочка!» – мелькали в голове по кругу снова и снова радостные мысли. Коля что-то пробубнил в ответ, развернулся и двинулся к выходу. Его рассеянный взгляд попал на обшарпанный таксофон, висящий рядом с дверью на улице. Он остановился с сомнением, развернулся и неуверенно спросил у женщин:

– А у вас не найдётся двух копеек?

– Нет, молодой человек, не найдётся...

Ответ вовсе не обескуражил свежеепечённого отца, как и не расстроили слова, сказанные второй дамой громким шёпотом:

– Да он сам совсем ещё ребёнок! Сколько ему лет? Не больше шестнадцати на вид.

Колька лишь ухмыльнулся мысленно: «Мне почти двадцать! Скоро исполнится двадцать! Меньше чем через пять месяцев!» Он вышел на улицу и, остановившись на крыльце, озабоченно оглянулся. У списка с печальным видом топтался лысоватый мужик средних лет.

– Здравствуйте, – обратился к нему Николай.

– Чего тебе? – недовольно буркнул в ответ мужчина и тут же продолжил злобно, с раздражением ткнув пальцем в список: – Опять девка! Представляешь, какая несуразица?

– Зачем вы так? – ответил счастливый отец. – Девочка – это же хорошо! У меня дочь родилась только что!

– Да что ты понимаешь... – мужчина, смерив Кольку неприязненным взглядом, сдержался, проглотив последнее – «сопляк»; тут же, немного смягчившись, спросил: – Закурить есть? А то сигареты все промокли.

– Нет, я бросил недавно. А у вас не будет двух копеек, позвонить?

Мужик, чертыхаясь, принялся ковыряться в карманах, гремя мелочью.

– На, – протянул он Кольке несколько двушек. – Бери все, – и добавил с покровительственной усмешкой: – Сигарет нет, мелочью не озаботился, тоже мне – папаша...

В тот день в его душе словно перевёлся в другое положение какой-то внутренний переключатель, и Николай начал меняться. Внутренние перемены через совсем небольшое время заметили все. Он изменился очень сильно. Ранее безалаберный и беспечный парень на глазах превратился в совсем другого человека: уверенного, целеустремлённого, чёткого и до невозможности расчётливого. При этом его непосредственность, чуткость к окружающим и изощрённый юмор лишь усилились и наполнились новым содержанием, свойственным взрослым опытным людям. Сам же Николай не придавал особого значения происходящим переменам. Он и не задумывался особо об этом.

Приятные хлопоты, связанные с рождением дочери, укрепили молодую семью, добавив Николаю и Лене уверенности в своих силах. Через полгода после рождения дочери они переехали от родителей Лены, где жили со дня свадьбы, в отдельную квартиру. Самостоятельная жизнь и нежелание молодых сидеть на шее родителей требовали от главы семьи принятия вполне понятных и однозначных решений. На две стипендии особо не разгуляешься, особенно в начале девяностых. Николай устроился работать в ночную смену сторожем на стройку. Но денег всё равно катастрофически не хватало. Пришлось Кольке забыть о красном дипломе. Сложно совмещать отличную учёбу на дневном отделении вуза и сдельную работу электромонтажника в строительном кооперативе. Хорошо, что погоня в добывании средств для семейного бюджета не привела к перерыву в обучении. Николай и Лена получили дипломы инженеров, как и планировалось, в начале девяносто третьего года. Но немногим ранее, летом девяносто второго, в семье Николая родилась вторая дочка.

Две дочки – хорошо, но Колька мечтал о сыне. Говорят, что самое сокровенное желание рано или поздно сбудется. В девяносто пятом Лена порадовала Кольку рождением третьего ребёнка – сынишки. Трое детей и жена-домохозяйка – неслабая ответственность для главы семьи, которому всего-то двадцать пять лет! Однако трудности Николая не пугали ничуть. «Когда у тебя голова на плечах и руки растут из правильного места, чего бояться-то?» – вот и весь самоуверенный ответ Николая. Хотя, в случае Николая самоуверенность, с каким-то, порой уж слишком неприкрытым бахвальством, поначалу вызывая у новых знакомых неприятие и скепсис, довольно быстро в их глазах превращается в противоположное – почти что скромность. Колька не то чтобы держит слово – он всегда делает намного больше того, что обещает. Такой он человек. Уж слишком сильно Николай любит приятно удивлять, поражать и очаровывать...

Что до Алексея, то он, вернувшись из армии в восемьдесят девятом, ударился во все тяжкие. На два года лишённый женского общества, Лёха навёрстывал потерянное время с какой-то сумасшедшей одержимостью. Он вовсе не спешил связывать себя с кем-либо из знакомых девушек не то чтобы узами брака, но и даже хоть сколько-нибудь длительными отношениями. Женщин у него в тот период было много – очень много. Алексей, довольный личной жизнью, не собирался ничего менять. Он даже и не смел предположить, что приглашение на свадьбу друга окажется счастливым билетом, круто и бесповоротно изменившим его судьбу. Выходит, что Колька, совсем не желая того, второй раз наставил Алексея на путь истинный. И свет, озаривший дальнейший жизненный путь недавнего дембеля, имел созвучное произошедшему имя – Светлана.

Знакомство Лёхи и Светы ознаменовалось нешуточным скандалом, и вплоть до свадьбы отношения напоминали все возможные буйства природы: ливень, град, ливень с градом, шторм, наводнение, буран, ураган, смерч... Они то сходились и жили вместе, то расходились с громкими ссорами, неизбежно вовлекающими почти всех близких и родных. Сколько раз, уж и не сосчитать, попеременно то Колька, то Тимофей мирили их. В этом, ставшем уже обыденным и почти сакральном действе Николай и Тимофей не проявляли никакой инициативы. Друзья здраво рассуждали, что вмешиваться в чужие отношения не стоит, и пытались оставаться в стороне, но Светка и Лёха, вдрызг разругавшись и разойдясь, а затем остыв со временем, в тайне друг от друга приходили к ним и упрашивали помочь в примирении, причём частенько просили помощи одновременно.

Собственно, скандал, чуть не дошедший до мордобоя, что в целом отражает традицию русских свадебных торжеств, весьма показателен для дальнейших отношений Алексея и Светланы. На свадьбе они увиделись впервые. Лёха, поражённый в самое сердце красотой прелестной восемнадцатилетней Светланы и отчасти возмущённый тем, что Николай прятал от него сестру, немедленно начал откровенно за ней ухлёстывать, наплевав на все приличия и ничуть не стесняясь ни Кольки, ни Ленки, ни родителей, ни остальных гостей.

Разумеется, Алексей приехал на свадьбу не один, а в обществе очередной подруги, как, впрочем, и Свету сопровождал почти официальный жених! Вот на виду у всех Лёха и Светка начали первое безумное представление. Он волочился за ней, а она поощряла его в этом: два сапога пара. Само собой, кавалер Светланы не стерпел такого нахальства и потребовал от Лёхи сатисфакции.

Их драка готовилась на глазах множества гостей. Они стояли в окружении приглашённых на свадьбу друзей и родственников молодожёнов. Жених Светы выговаривал Лёхе, набираясь смелости для решительной битвы, а Алексей, опустив руки, с безмятежным видом, как какая-нибудь флегма, смотрел куда-то в сторону, поверх голов стоящих вокруг людей. Вдруг неожиданно для всех Лёха, встрепенувшись, уверенно и чётко сказал, глядя в глаза своему противнику:

– Извини, друг. Я не со зла. Мне очень сеструха Николая по душе. Ничего поделаться с собой не могу. Если хочешь, то бей меня. Я тебе мешать не стану. Пальцем тебя не трону. Без обид.

Противник стушевался, не зная, как поступить, принялся нервно топтаться на месте и, повернувшись к Светлане, чуть ли не плачущим, просящим голосом истерично прокричал:

– Свет, мы уходим! Собирайся!

– Уходим? С чего бы? Я на свадьбе родного брата! Веселье в самом разгаре! Я остаюсь, а ты сам решай для себя: уходить тебе или нет.

Бегством бывшего жениха Светланы закончилась публичная часть первого представления, данного Лёхой и Светой. Подруга Алексея гораздо раньше всё поняла и, подцепив какого-то одинокого парнишку со стороны гостей невесты, продолжала веселиться со всеми, словно

ничего и не случилось особенного. Что же касается Алексея и Светы, то они, воспылав всё усиливающимся желанием, тихо удалились с торжества в направлении квартиры Алексея.

Роман со скандальным началом имел соответствующее продолжение. Основная причина периодически возникающего недовольства Светы заключалась в том, что Алексей никак не мог оставить в стороне других женщин, сосредоточившись исключительно на ней. Измены вскрывались Светланой немедленно. Каждый раз она устраивала Алексею бурные сцены ревности с чётко контролируемыми с её стороны эмоциями и действиями при всей их внешней взбалмошности и эксцентричности. Видимо, расчётливость и холодность разума в сочетании с одновременно бушующими страстями свойственна не только Кольке, но и его сестре, что и не удивительно.

После очередного разрыва и ухода Светы Алексей первые несколько дней не горевал ничуть, даже более того – слышать ничего не желал об этой ревнивой дуре. Но не прошло недели, как он приползал к ней с повинной, принося клятвы, что маленький инцидент приключился в последний раз и на самом деле – банальная случайность, произошедшая по глупой привычке.

Первый раз Лёху приняли обратно без чьего-либо посредничества, как, впрочем, и во второй. Но в третий Света прогнала Лёшу, отлупив от всей души «ссаным венником» – роскошным букетом роз, что он принёс в очередной раз, пытаясь установить мир в отношениях. Избиение неверного колючим букетом сопровождалось пинками и соответствующими моменту речами разгневанной дамы Лёхиного сердца. В целом, исключив нецензурные и около них идиоматические выражения, речь Светланы можно свести к простой фавуле: «Ты повторяешься. Мог бы придумать уже что-нибудь другое, проявив смекалку. А теперь вали, откуда явился, тупой дегенерат! Видеть тебя не желаю!» Промаявшись неделю, Лёха обратился за помощью к Кольке. Первое участие Николая в примирении молодой пары прошло на редкость удачно. В конце-то концов, за три недели, прошедшие с последней размолвки, Лёша и Света так изголодались друг по другу, что терпения не оставалось ни с той, ни с другой стороны.

За последующие два с половиной года истории разрыва всех отношений и примирений происходили с завидной регулярностью. Круг привлекаемых посредников расширялся с каждым разом. В составе группы парламентариев в разных комбинациях принимали участие и старший брат Светланы и Николая, и Лена, и Тимофей, и даже родители Светы.

Всё закончилось самым грандиозным дебошем из всех происходивших ранее. Очередная неистовая буря на самом деле представляла собой своеобразное предложение руки и сердца. В первой части действия Лёха, выломав дверь в квартиру Светкиной подруги, у которой та скрывалась от разъярённого поклонника, устроил очередное выяснение отношений раз и навсегда. Предварительные дебаты влюблённых завершились обычной потасовкой – битём Лёхи Светкой. После первоначальной стандартной церемонии Алексей покинул жильё подруги Светы, сжимая в руке отобранный у любимой с боем гражданский паспорт. Паспорт у Светы Алексей забрал для выполнения твёрдого решения – подачи заявления в ЗАГС.

Вторая часть Балета дроздования происходила в доме родителей, куда Светка перебралась, пытаясь укрыться от настырного воздыхателя. Квартиру защищала отличная металлическая дверь с мощными замками, но и эта крепость пала под решительным напором Алексея. Лёше помогла мама Светланы. Она открыла Алексею дверь, уловив удобный момент, пока Николай отвлекал сестру. Последующая, ещё более бурная сцена объяснений молодых происходила между ними тет-а-тет, так как находившиеся в квартире Колька и мама покинули жилище, перебравшись на лестничную площадку. Сделали они это по причине невозможности нахождения в квартире из-за невообразимого шума. К тому же к месту военных действий прибыл наряд милиции.

Вызов милиции соседями представлял собой отработанный за несколько лет ритуал, венчавший раз за разом процедуру примирения влюблённой пары. Диалог милиции с Николаем и его матерью можно было и не начинать, но порядок есть порядок.

– Что у вас случилось, граждане? Почему шумим на этот раз? – спросил добродушно патрульный, пожимая Кольке в приветствии руку.

– Всё нормально, товарищ лейтенант. Обычное дело: милые бранятся – только тешатся! – в ответ улыбался Николай старому знакомому.

– Надеюсь, обойдётся всё не так, как в прошлый раз?

– Ага.

– Давно уже они там?

– Прилично. Думаем, что скоро всё закончится.

– Пять минут, пока перекурим, дадим им. Потом не обессудьте, придётся нам зайти и навести порядок.

– Этот раз, скорее всего, последний.

– Ну дай-то бог!

Как и обещал Николай, всё закончилось где-то через пять отведённых милицией минут. Милиционеры, для окончательной уверенности в том, что всё действительно успокоилось, подождали ещё минут десять, тихонько перешёптываясь на площадке с Колей и его мамой, словно боясь вспугнуть наступившую тишину. Через десять минут входная дверь в квартиру открылась, и Лёха, держа на руках обнимающую его за шею Светку, вышел и, как будто не видя ни Николая, ни будущую тещу, ни двух милиционеров, прошёл мимо и уверенно и споро начал спускаться по лестнице.

– Куда это они? – спросил озадаченно лейтенант.

– В Одинцово – там у Лёхи квартира, – ответил Николай.

– Умычка невесты – класс! – съехидничал второй милиционер.

Пошутив ещё немного по поводу кражи невесты и получив от Николая традиционные уже две бутылки коньяка за беспокойство, милицейский наряд удалился с чувством исполненного долга.

Коля будто в воду глядел – вечные ссоры между Лёхой и Светкой закончились. Через положенный по закону минимально возможный срок ожидания Светлана вышла за Лёху. Нельзя сказать, что молодые не ругались больше – случались, конечно, размолвки, но только в русле старой русской поговорки, упомянутой Николаем в разговоре со стражами общественного порядка.

Причина бурных проявлений чувств молодых людей банальна до невозможности: два сильных характера, две противоположности столкнулись между собой и, ввиду невозможности дальнейшего отдельного существования пожертвовав для другого тем, чем можно поступиться, и смирившись с тем, что изменить не в силах, окончательно договорившись, навсегда связали свои судьбы. То, что процесс переговоров протекал так долго и внешне столь громогласно, вовсе не отменяет его сути и закономерного итога. Всякое бывает в жизни, вот у Алексея и Светланы произошло так, а у кого-то, быть может, всё случилось иначе.

Не берусь утверждать, что следующие тринадцать лет супружества Алексей хранил верность жене. Бывали у него любовные приключения на стороне. Избавиться полностью от дурной привычки он не мог долгое время. Правда, такие шалости происходили редко, да и носили они действительно случайный характер. Грешил он с соблюдением всех возможных мер безопасности, страшась того, как бы жена не узнала или даже не заподозрила. Слишком крепко вбила Светлана в Лёхино сознание простую истину, фактически убившую притязание на мужское право на лево: «Когда ты развлекаешься с девицей на стороне, то помни, что, возможно, в этот самый момент какой-нибудь отвратного вида мужик шпилит во все места Твою женщину! Не стоит переживать, ведь всё по-честному! Ты захотел развлечься с новой цыпочкой,

и Твоей женщине тоже захотелось развлечься. Но Тебя же не было рядом, Ты же был Занят! Вот она и заменила Тебя временно на этого жирного плешивого мужичка. Ты отлично развлёкся? Так порадуйся теперь и за Свою женщину, что её вертели как хотели, к её же полному удовольствию!»

Воспитательная работа Светланы над будущим мужем принесла свои плоды, тем более что в интимной жизни ураган страсти между ними, не утихая, бушует до сих пор. Этот ураган, в сущности, делал бессмысленными измены Лёхи. К чему ходить на сторону, если дома есть всё, что ты только можешь пожелать? Ради сомнительного чувства новизны? Лёха, всё чаще задумываясь на эту тему, постепенно оставил в стороне всех посторонних женщин и сосредоточился исключительно на своей Светке. К тому же всё больше внимания стоило уделять старшему сыну Василию, перешагнувшему двенадцатилетний рубеж, и младшей четырёхлетней дочери Людмиле, которая, к удовольствию Лёхи, с детской непосредственностью вила из него верёвки.

То, как могла сложиться жизнь Алексея, если бы не встретила ему Светка, добившаяся поразительного успеха в его перевоспитании, наглядно демонстрировал второй лучший друг – Дмитриев Тимофей Витальевич по прозвищу Дять.

Глава 2. Дять-Виталь и Дять

Странное на первый взгляд прозвище Тим получил в раннем детстве – ещё дошколёнком. За несколько месяцев до того как пойти в первый класс, Тимофей с мамой переехал в новую квартиру. Отца он почти не помнил: какой-то совсем смутный образ родителя мелькал порой в воспоминаниях, не задерживая особо внимание. Это бывает в жизни достаточно часто, и так, увы, сложилось, что рос маленький Тимофей в неполной семье. Вся семья до некоторого времени состояла всего из двух человек: Тим и мама. Он несколько раз спрашивал у матери: «А где мой папа?», но не получал никакого ответа, лишь расстраивая своим любопытством. Что произошло в отношениях родителей, Тим никогда и не узнал, как не знал: кем был отец, чем занимался, куда делся и жив ли ещё. Из своего свидетельства о рождении Тим выяснил лишь имя – Григорьев Фёдор Осипович. Почему Тим носил фамилию Дмитриев, да ещё и с отчеством Витальевич? Ответ на этот вопрос прост...

Мама, Юлия Тимофеевна, родила Тима достаточно взрослой, в тридцать. Скромная, невысокая, невзрачная женщина, она не блистала красотой в молодости, да к тому же небольшая полнота вовсе ей не шла. Словом, вполне заурядной внешности одинокая женщина с ребёнком.

Работала Юля дежурным оператором котельной – сутки через трое. Режим работы позволял и собой заняться, и в воспитании сына участвовать самым деятельным образом. Одна беда: на зарплату в сто с небольшим рублей особо не разгуляешься, к тому же быстро растущему сорванцу постоянно надо то одно купить, то другое. А он, неутомимый мальчишка, то куртку единственную разорвёт об какой-нибудь гвоздь, то брюки испачкает так, что и не отстираешь. Что поделаться?! Любящая мать, обделяя себя, тратила почти все скудные средства семьи на сына, для себя ничего не оставляя. Как же выглядеть достойно, если ни на косметику нормальную, ни на приличную одежду средств не хватает? Подходящего мужчины она не могла найти долгое время. Никто из претендентов, к сожалению, не годился ни на роль мужа, ни на роль отца для сына.

В новую квартиру они переехали одни из первых. О том, почему так получилось и к чему стоило спешить, можно только догадываться. Видимо, совсем несладко жилось небольшой семье в прошлом коммунальном жилище. Новый дом – маленькая, по нынешним временам не просто маленькая, а малюсенькая двухкомнатная квартира, зато – отдельная, своя. Нехитрый скарб семьи, казалось, растворился в квартире. Это и немудрено. Откуда взяться многочисленному имуществу у бывшей воспитанницы детского дома? Старенький продавленный диван, отданный кем-то из соседей по коммуналке, раскладушка, на которой спал Тим, пара стульев и табурет, небольшой столик, две книжные полки, платяной трёхстворчатый шкаф да предметы необходимой роскоши: холодильник «Бирюса», купленный через год после рождения Тима, и приобретённый в комиссионном магазине чёрно-белый телевизор «Чайка» – вот и вся обстановка нового жилья. Но несмотря на убогость неказистой мебели, новая квартира казалась огромным дворцом, где ждёт их счастье.

Шестилетний – уже почти семилетний – Тим – озорной весёлый мальчишка, выдумщик и проказник, которому всё и везде интересно. Общительный, без малейшей стеснительности, он подходил к любому незнакомому взрослому и с детской непосредственностью вступал в разговор или обращался с какой-нибудь просьбой. Доверчивый и благодарный парнишка, он искренне радовался, если взрослый, особенно мужчина, начинал обстоятельно с ним общаться. Если же взрослому недосуг, то из-за такого невнимания Тим не особо расстраивался. Он шёл дальше в поиске новой жертвы бесконечных вопросов. Начиная знакомство, Тим представлялся в самой вежливой форме, как понимал её, обращаясь к взрослому собеседнику с неизменным своим «Дять», если разговаривал с мужчиной, или «Теть», если с женщиной:

– Здравствуй, дять! А что ты тут делаешь такое? Дверь красишь? – Ага! – Меня Тимофеем звать, а тебя? – Пётр Иванович? Очень приятно! – Я с десятого этажа, из шестьдесят второй квартиры. Я с мамой живу. – Дять-Петь! А, дять-Петь?! А можно я тебе помогу красить? – Конечно, смогу. Ты же меня научишь! – Так сложно? Ну ладно... А можно я просто постою и посмотрю? А, дять-Петь?! Я тихо. Я мешать не буду!

Из-за обращения «дять» с лёгкой руки кого-то из соседей Тим получил своё, прилипшее на всю жизнь прозвище.

Въехав в новую квартиру и быстро, но дотошно обследовав в ней каждый уголок, Тим, расширяя географию исследований, принялся бегать по этажам, звоня и стучась в каждую дверь. На первых порах изысканий во всей четырнадцатизэтажной одноподъездной панельной башне он обнаружил всего пяток квартир, куда жильцы уже вселились или где делали ремонт, но не прошло и двух месяцев, как дом словно ожил, наполнившись новыми жильцами. За лето неутомимый парень перезнакомился почти со всеми соседями, и к началу учебного года его знал весь дом.

В новые квартиры въезжали семьи новосёлов с детьми приблизительно одного возраста – ровесниками Тима или немного младше. К окончанию августа Тим возглавил внушительную компанию – весёлую и озорную детскую ватагу, сотрясавшую шумными играми до недавнего времени спокойную тишину вечно сонного двора. Игры, затеваемые Тимом, родители соседских детей поощряли самым настойчивым образом, выпроваживая своих чад на улицу, лишь только увидев там Тимофея или услышав его голос:

– Дим, ты что сидишь дома? Шёл бы погулять. Погода какая отличная! Смотри, Дять во дворе уже футбольную команду собирает...

С самого раннего детства Тимофей во дворе превратился в безусловного авторитета и среди сверстников, и у их родителей. Для своего возраста Тим выглядел крупным мальчиком, гораздо выше любого из ровесников: эдакий плотный крепыш – кровь с молоком. Он сошёл бы и за толстяка, но из-за неуёмной энергии и постоянных активных игр, вроде футбола летом или хоккея зимой, Тим казался сильным и юрким парнишкой. Не имея во дворе явных соперников, общительный, спокойный и неконфликтный парень, да и к тому же заводила во всех начинаниях детской компании двора, Тимофей по праву занял место главаря дворовой детской ватаги, арбитра в спорах и защитника слабых.

Лидер во дворе, в школе, в своём классе он также верховодил. В начальной школе всё давалось ему легко и просто. За первые успехи стоит поблагодарить Юлю. Мать весьма деятельно занялась подготовкой маленького Тима к школе. К семи годам он свободно и бегло умел читать на уровне четвероклашки, да и к тому же связно пересказывал прочитанное, неизменно добавляя в ответе свои комментарии. Со счётом в пределах двадцати проблем у Тима также не возникало. Не получив в молодости достойного образования, мама настойчиво внушала сыну простую истину: «Первое и самое главное – это учёба. От успешной учёбы зависит всё твоё будущее!» Особо наседать на сына Юле не приходилось. Тим занимался с явным удовольствием. Больше всего ему нравилось чтение. Так что отличные оценки в начальной школе вполне закономерны.

Однако с переходом в среднюю школу дела у Тима серьёзно не заладились. К середине шестого класса он скатился на тройки и двойки по всем предметам. Возможно, кто-нибудь подумает: «Обычное дело – мальчик не привык к труду, раз всё в начальной школе ему давалось легко». Быть может, в этом мнении есть доля истины. По мне, всё не так просто. Скорее, главная причина в том, что в августе восьмидесят первого года в жизни парня произошла самая настоящая большая беда. Погиб его отец. Не настоящий отец, а отчим – Дмитриев Виталий Ефремович.

Юля, казалось, тщетно искала подходящего спутника жизни. Несмотря на невзрачную внешность, она – жизнерадостная и добрая одинокая женщина – привлекала внимание муж-

чин. Но многие из них, увы, лишь беззастенчиво пользовались доверчивостью и открытостью Юли. А чего не попользоваться-то? Ну не красавица, и что же? Накормит, обласкает, в постельку уложит, что только пожелаешь, с готовностью исполнит – даже и просить ни о чём не надо. Желаящих сладенького – хоть отбавляй. Знала ли она об этом? О таком отношении? Конечно же, знала. Конечно же, всё видела и чувствовала, но...

Кому-то покажется неприличным её поведение, неприличным и распушенным. Да ну и ладно! Ханже не понять чувств тридцативосьмилетней одинокой женщины с ребёнком. Не понять её страданий и тихих слёз в подушку, лишь бы сын не услышал. Но сын – маленький мальчик – пусть и не слышал, пусть и не видел, но чувствовал и откликнулся по-своему на боль матери, на её безуспешные попытки обрести счастье для себя и любимого ребёнка.

Обычно Юля приглашала мужчину в гости. Свидания – скорее случайные, нежели заранее обговорённые и подготовленные встречи – несколько раз приводили к тому, что Тим, вернувшись из школы, застал дома мать в обществе очередного дядь-Миши, или дядь-Саши, или ещё какого-нибудь «дядь». Ситуация не очень приятная для всех, а особенно для Тима.

Его быстро кормили обедом и выпроваживали на улицу погулять, чтобы не мешал. Вместо занятий любимыми домашними играми или чтения книжек Тиму приходилось слоняться одному во дворе – большинство товарищей оставались на продлёнке в школе. Тим в такие дни не мог скрыть разочарования и неудовольствия очередным гостем. После он сидел надувшись, не разговаривая с матерью весь остаток дня. А она, чувствуя состояние сына и свою вину, пыталась сгладить очередную обиду обещанием свозить его в воскресенье в парк – покататься на каруселях – или сходить с ним в кино. Но однажды с новым маминым гостем получилось не так, как раньше...

В тёплый субботний день первой половины мая всё началось как всегда: Тим, вернувшись из школы, застал маму в обществе нового «дядь» – дядь-Виталия. Мама и дядь-Виталь сидели на кухне и чаёвничали, ожидая его возвращения из школы. Тим сразу упал духом и повёл себя букой, но новый мамин знакомец отреагировал иначе, не так, как прошлые гости. Обычно общение с мамиными мужчинами сводилось к обыденным и ничего не значащим фразам, на которые Тим либо не отвечал вовсе, либо мычал что-то невразумительное. Вроде: «Привет, пацан! Как дела? ... Пока, пацан. Мамку не обижай. Она у тебя хорошая». Разговор, что завёл с Тимом за обедом Виталий Ефремович, развивался наперекор ожиданиям парня.

– Тим, ты извини меня, что я твои планы нарушил и в гости заглянул, – неожиданно начал Виталий. – Я с твоей мамой давно знаком. Мы вместе в детском доме росли. Потом разбросало нас в разные стороны, а тут – получилось, что встретились мы случайно, и я в гости напросился.

Тим с удивлением посмотрел на сидящего перед ним мужчину, а тот, улыбаясь, примирительно продолжил:

– Сам понимаешь, брат – давно мы не виделись. Больше двадцати лет прошло с тех пор. Слушай, а может, махнём все вместе? Погуляем где-нибудь? А поехали в зоопарк? Ты как? Не против?

Что значит «ты не против»? Конечно же, Тим – за! Прогулка восхитила Тимофея. Сначала они поехали в зоопарк. Поехали не так, как обычно, как все – на метро, а на машине. И не на такси – на машине Виталия. И не на какой-нибудь, а на шикарной новенькой белой «Волге» – ГАЗ-24. Сама поездка на машине для советского мальчишки – событие в жизни, да ещё к тому же вся дорога от дома до зоопарка прошла в обстоятельном и деловом обсуждении Тимом и Виталием чудесного транспортного средства – «Волги». Удовольствие от разговора на столь интересную для парня тему усиливалось манерой общения с ним Виталия. Впервые в жизни взрослый человек, мужчина, разговаривал с ним на равных – без тени панибратства и высокомерия.

Общение продолжилось в том же духе в зоопарке и после него.

– Ну что, брат? Не устал ещё? – спросил с улыбкой Виталий, когда они вышли из зоопарка.

– Не-ет! Не устал! Совсем не устал, – отвечал весело Тим.

– Тогда предлагаю сходить на Красную площадь, – подмигивая Тиму, сказал Виталий.

Они гуляли по центру вечерней Москвы. Тим безостановочно забрасывал Виталия всё новыми и новыми вопросами. И что удивительно для парня, тот с удовольствием отвечал на любой вопрос, интересуясь каждый раз его мнением, неизбежно вовлекая в дискуссию. Иногда бывало, что Виталий не находил ответа, и в этом случае он так и признавался без тени смущения: «Извини, брат, не знаю я этого. Стоит на эту тему почитать чего-нибудь...» Новый знакомый очаровал Тима, и мальчишка никак не хотел расставаться с ним. Они вернулись домой уже поздним вечером, и, выходя из машины, Тимофей уверенно начал приглашать Виталия в гости:

– Дять-Виталь, может, зайдёшь? Поужинаешь с нами?

– Тим, уже поздно, да и ужинали мы в кафе. Ты разве не помнишь? – улыбаясь, отвечал Виталий.

– Тогда чаю попьём, – не унимался Тим.

– Если только чаю... – Виталий переглянулся с Юлей.

Мама Тима весь вечер не участвовала в разговорах, а шла молча рядом с ними и счастливо улыбалась. Да и к чему женщине вмешиваться в мужскую беседу?!

Чуть позже, после обещанного Тимом чая, он, боясь, что Виталий теперь-то точно уйдёт, предпринял отчаянную, как ему казалось, попытку задержать гостя:

– Дять-Виталь, уже поздно. Куда ты по такой темноте поедешь? Оставайся лучше у нас. У нас переночуй. А, дять-Виталь?

– Тим, да где же мне у вас разместиться? – вроде возражал тот.

– Как где? На диване. С мамой. Это маленьким мальчикам с девочками нельзя в одной кровати. Вы же взрослые. Вам же можно.

Ему очень хотелось, чтобы Виталий остался. И Виталий остался. Он уехал вечером следующего дня, обещая вернуться.

В начале лета Тим первый раз поехал в пионерский лагерь. До этого он с восхищением слушал рассказы друзей, побывавших в похожих местах отдыха советских детей. Но что значили рассказы друзей по сравнению с тем, что Тим увидел сам?! Потрясающее воображение пионерский лагерь! Малюсенький – всего четыре или пять отрядов, но занимаемая им небольшая территория не имела значения по простой причине: лагерь находился в военном городке громадной подмосковной танковой части. Оно и понятно – в пионерском лагере отдыхали дети сотрудников и слушателей академии бронетанковых войск.

Каждый день дети проводили в походах и экскурсиях по военной части и окрестностям. Чего стоило только одно посещение танкового парка, где стояла боевая техника, среди которой встречались советские танки времён Великой Отечественной и трофейная немецкая техника? А танкодром? А учения, проходившие на нём? Сколько искреннего восторга испытал мальчишка, видевший воочию танк, переправляющийся под водой по дну водоёма. Или боевую машину пехоты, переплывающую тот же пруд, словно катер. А неизменная для всех пионерских лагерей детская игра «Зарница»? В той игре всё происходило по-настоящему: военный поход на БМП, затем весёлый штурм безымянной высоты, захват флага и стрельба из автомата. Пускай автомат держал в руках солдат, на спусковой крючок-то жал Тим!

В лагере велись и кружки по интересам, но в отличие от обычных пионерских лагерей не кружки резьбы по дереву, чеканки по металлу или плетению макраме, а совершенно невозможные для остальных пионеров: «Юный танкист» или «Юный мотострелок». Три смены провёл Тим в лагере, вернувшись полным впечатлений, с чемоданом, можно сказать, набитым гильзами и пулями от стрелкового оружия всевозможных калибров и размеров.

Каждую смену мама и Виталий навещали его. В конце третьей смены очередной визит, в день рождения, стал особенно дорог Тиму. Он запомнил его до мельчайших подробностей на всю жизнь.

Вожатый отряда сообщил о приезде матери и то, что вместо обеда и тихого часа Тим проведёт время с мамой – до самого вечера, до ужина. Они ждали его у столовой пионерского лагеря. Как же так получилось, что он сразу не узнал их? Он стоял и смотрел на маму и Виталия непонимающим и удивлённым взглядом. Смотрел на симпатичную, даже не просто симпатичную, а красивую женщину рядом со стройным мужчиной в ладно сидящей на нём офицерской форме.

– Ну что же ты, Тим? – с улыбкой голосом матери спросила его красавица. – Неужели не узнал?

– Ну ты, брат, даёшь! – вторил ей офицер.

Так получилось, что несмотря на уже достаточно длительное знакомство с Виталием, несмотря на ворох вопросов, которыми Тим каждую встречу заваливал его, он не удосужился ни разу поинтересоваться, чем тот занимается в жизни, кем работает. За три смены, проведённые в лагере, Тим научился определять звание военнослужащих и род войск, к которым они относятся. Перед ним стоял и улыбался ему подполковник бронетанковых войск.

В тот тёплый солнечный день они втроём отправились гулять. Мама и Виталий устроили для Тима праздничный пикник на песчаном берегу одного из самых красивейших озёр Подмосковья, запечатлённого на последней в жизни картине величайшего гения пейзажа, которая так и называется – Озеро.

День рождения превратился для Тима в один из счастливейших моментов в жизни, наполненный светом, теплом и радостным удивлением. В конце праздника, перед самым возвращением в пионерский лагерь, Юля и Виталий наконец с волнением спросили его о втором, не менее важном деле.

– Тим, это очень важно, брат. Нам надо знать, – начал Виталий, чуть отведя мальчишку в сторону от матери. – Мы – я и твоя мама – решили жить вместе, решили пожениться. Скажи, ты не против?

Что мог ответить девятилетний парень? Он смотрел то на серьёзное лицо Виталия, то на маму, стоящую в нескрываемом волнении поодаль. Счастье! Настоящее Счастье!

Счастье продолжалось три года. Что рассказывать об этом? Любой может живо представить то, как прошли три счастливых года, а потом... Потом случилось непоправимое – Виталия не стало. Он погиб. Погиб в командировке. В какой командировке, надеюсь, объяснить не надо.

Гибель отчима выбила Тима и маму из привычной уже колеи счастливой жизни. Надев траур на похороны мужа, Юля никогда больше его не снимала, продолжая скорбеть и оплакивать любимого мужчину до конца своих дней.

Сын вовсе не выпал из круга внимания, просто они разошлись в горести по близкому человеку. Мать нашла утешение в молитве, а сын – в размышлениях и попытках найти ответы на вопросы: за что? Почему жизнь так несправедлива? Почему она лишила их самого дорогого? Постоянная внутренняя работа неокрепшего разума подростка в результате привела к тому, что к концу зимы восемьдесят второго года Тим завалил учёбу по всем школьным предметам. Угроза остаться на второй год в шестом классе обрела реальные черты.

Глава 3. И помощь пришла

Нельзя сказать, что Тим забросил учёбу. Это совсем не так. Пребывая в постоянных раздумьях о произошедшем, он превратился в рассеянного и невнимательного парня. Постепенно Тимофей всё больше и больше отставал по школьной программе, скрывая неудачи от матери. Он скрывал их не из-за боязни наказания, но лишь потому, что не хотел огорчать её, не хотел добавлять к личному горю дополнительные переживания. Скрытность перед матерью постепенно переродилась в скрытность перед другими людьми, интересовавшимися успехами в учёбе. Но тайное неизбежно однажды становится явным. Первым Тима в середине зимы расколол друг – Колька.

С Колькой, соседским мальчиком, приезжавшим неизменно каждые каникулы к деду и бабушке, Тим познакомился на следующий год после переезда в новую квартиру – осенью. Николая, в то время довольно стеснительного парнишку, Тим вовлёк в дворовую компанию, где Коля быстро освоился и занял место одного из заводил. Столь высокий авторитет тщедушный на вид Колька заработал уживчивостью и неуёмной фантазией в изобретательстве игр. Точнее, не в изобретательстве, а скорее скрупулёзном развитии задумок других товарищей по двору, в основном предложений Тима. Колька брал идеи Тима за основу, перерабатывал и наполнял деталями, доводя до совершенства. К тому же Николай принёс во двор несколько забав, которых никто не знал. Вернее, знать-то знали (как не знать, что есть игра в лапту или в чижа?!), а вот правила игр дворовые ребята представляли весьма отдалённо. Нововведения Николая прижились. До сих пор уже дети тех ребят гоняют во дворе «чижа». Для игры в лапту, увы, места нет.

Тим дорожил дружбой с Колькой. Его мнение значило для Дять очень многое. Доверительные отношения вкупе с чуткостью Николая позволили Тиму поделиться с другом проблемами.

– Зря ты матери не рассказываешь, Дять, – Коля всегда проявлял разумность и рассудительность, – без помощи тебе не обойтись.

– Не могу я, Колян, – возражал Тим с печалью. – Мама и так... Неужели ты не видишь, какая она стала? Не могу я.

– Дять, а давай я бабушку свою попрошу помочь?

– Нет, Коля, не надо. Я сам. Понимаешь? Сам!

Варвара Георгиевна, бабушка Николая, с того самого дня, когда познакомилась с Тимом, взяла над ним своеобразное шефство. В этом нет ничего удивительного – Варвара любила детей. Москва – большой город. Так получилось, что сын и дочь со своими семьями жили достаточно далеко и внуки приезжали к деду и бабушке лишь в праздники или на каникулы. Шептунной, весёлой и любознательной соседский парнишка частенько общался с Варварой, и, поскольку мама Тима работала сутками, добрая соседка предложила присматривать за озорником в её отсутствие. Тим заходил в гости к Варваре почти каждый день.

Колька предложил отличный вариант решения проблемы, но гордость, упёртость и стыд не позволили Тимофею последовать совету друга. Он чувствовал, что помощь не помешает, но не решился просить её.

Всё произошло вопреки нежеланию Тима просить помощи. В конце зимы, к середине третьей четверти шестого класса, во время одного из посещений квартиры Варвары Георгиевны она в конце обязательного чаепития непринуждённо и ненавязчиво выведала Тимохин секрет. В общем-то, Варвара даже не спрашивала ни о чём. Разговор сложился таким образом, что он сам против своей воли выложил всё в мельчайших подробностях и расплакался в конце исповеди, словно какая-нибудь маленькая девчоночка.

– Слезами горю не поможешь, – довольно жёстко, без сантиментов и ложной жалости сказала Варвара. – От тебя всё зависит, Дять. Если ты готов, то я помогу тебе собраться с силами и выправить ситуацию. Но ты должен слушаться меня и делать так, как я тебя научу. Ты готов?

– Да, тётъ-Варь. Я готов, – хлюпая носом, но уже не плаксивым голосом отвечал ей Тим, чувствуя, что самое страшное позади и теперь-то всё встало на свои места.

– После школы ко мне сразу приходи. Будешь заниматься под моим присмотром. С завтрашнего дня и начнём. Договорились?

– Договорились!

– Чтоб без лени, всяких там отговорок и вранья. Каждый день. Каждый!

Тим нуждался в помощи, и он получил её. Суть совместных занятий свелась к обычному контролю со стороны тётъ-Вари и пресечению попыток Тима пофилонить, оправдываемых тем, что он не может или не понимает. Тимофей приходил к соседке, и они занимались до самого вечера, до прихода с работы её мужа, Василия Алексеевича. Дед Николая, если находился в настроении и был не слишком уставший, присоединялся к последнему этапу подготовки домашних заданий – устным ответам.

Оба супруга, признаться, положив руку на сердце, не блистали значительными знаниями: не семи пядей во лбу, вполне обычные и достаточно пожилые люди, слишком далёкие в силу своего возраста от сути школьных дисциплин шестого класса. В качестве основного критерия усвоения изучаемого Тимом материала они принимали складность и гладкость ответов. Если Тим начинал мямлить, запинаться или обильно сдабривать речь междометиями и словами-паразитами, то Василий Алексеевич довольно грозно требовал повторить ответ вновь или заново прочитать ему вслух, а затем пересказать. Поначалу Василий оставался почти всегда недоволен результатами, которые демонстрировал Тим.

– Дять, очень плохо ты подготовился, просто безобразно. Надо прилежнее относиться к учёбе, – очень строго отчитывал Тима Василий Алексеевич. – Завтра: сперва читаешь вслух несколько раз с выражением, а как получится хорошо, то закрываешь книгу и пересказываешь, пока ответ не станет складным и полным. Пересказываешь стоя, в книгу не подглядывая. Если чувствуешь, что забыл что-то, то садишься и опять читаешь вслух. И так пока не получится совсем хорошо. По математике так же: все задания читаешь вслух с выражением и только потом приступаешь к выполнению. Когда решаешь задачу, то вслух проговариваешь и объясняешь себе то, что делаешь. В ответ не подглядываешь. Все решения на черновике. Если задача не получается, то выбрасываешь черновик и начинаешь всё с начала – читаешь условия задачи вслух и так далее. Ты понял меня?

– Да, дять-Вась, я понял.

– А вы, Варвара Георгиевна, проверяете его. Пусть с выражением читает и вслух, а если плохо получается, то пусть повторит. Потом пересказ с выражением, и обязательно стоя перед вами.

Василий Алексеевич – суровый, но справедливый – пожалуй, единственный человек в жизни Тима, по отношению к которому он всегда испытывал благоговейный трепет, замешанный на восхищении и преклонении перед сильной личностью. Тим старался со всем прилежанием. В какой-то момент ответы по заданиям начали получаться именно так, как того желал услышать его строгий наставник. Успехи не заставили себя ждать. Помимо слов похвалы от Василия Алексеевича, Тим почувствовал, что учёба даётся несравненно легче. Если вначале он не успевал выучить и сделать заданное в школе, то через месяц с небольшим, к весенним каникулам, уроки занимали от силы часа два и оставалось время для того, чтобы подтянуть пропущенное и недоученное ранее.

Но, увы, выправив оценки по отдельным предметам, а по истории получив в конце третьей четверти твёрдую четвёрку, с большинством остальных дисциплин Тим справлялся совсем плохо. Причина неудач скрывалась в том, что Тимофей испортил личные отноше-

ния с учителями по самым проблемным предметам. Учителя, несмотря на очевидные старания парня, оплатили несправедливым отношением. Они принялись мстить за его упрямство и настойчивость. За всего лишь одно, как ему казалось, логичное и простое требование: Тим желал, чтобы к нему не обращались более по фамилии Григорьев. Он хотел носить фамилию Дмитриев и боролся с безысходным упрямством за это.

В начале последней четверти произошло ожидаемое – маму вызвали в школу. К очевидным проблемам с учёбой добавились жалобы учителей на отвратительное поведение сына, вернее на последний проступок, переполнивший чашу терпения преподавателей. Тим, в борьбе за право носить фамилию погибшего отчима проигрывая непреклонным учителям, решился и совершил возмутительное с точки зрения педагогического коллектива деяние: он пробрался в учительскую, когда та была пуста, и в классном журнале, зачеркнув, вернее заштриховав шариковой ручкой фамилию «Григорьев», подписал вместо неё: «Дмитриев». Отчаянный «героический подвиг» вызвал скандал грандиозных масштабов.

Слабый голос немногих защитников среди учителей потонул в дружном хоре оскорблённых его проступком. Недовольные педагоги открыто, в лицо и пред всеми начали третировать Тима, называя его без тени сомнения и с каким-то яростным безапелляционным возмущением ленивым неучем, бездарем, хулиганом, выродком и дебилом. Часть школьных учителей, естественно, не одобряла такое отношение к ребёнку, пусть и совершившему неблагоприятный поступок, но большинство из них не преподавали в классе Тима, и всякое возражение прерывалось возмущёнными репликами вроде:

– Да вы, Марина Владимировна, даже не представляете, кто он на самом деле! Это же будущий социопат! Он хулиган. Он мешает всему классу, подавая дурной пример. Вот попадёт такой в ваш класс – умоетесь горькими слезами!

Учителя, не знавшие хорошо Тима, не находили что возразить, оставляя лишь близкое к нейтральному мнение:

– Всё равно нельзя так с ребёнком.

– У нас обычная школа с обычными детьми – кто лучше, а кто хуже, но все они нормальные, не как этот. Для таких детей есть специальные школы, – возражали им с непоколебимой уверенностью.

Увы, первая учительница Тима покинула школу, выйдя на заслуженную пенсию. Быть может, если бы она ещё преподавала, то ситуация не дошла бы до крайности. В защиту Тимофея слышалось лишь два голоса: учительницы по истории и учителя по физкультуре – тренера в секции самбо. Но первая и сама белая ворона среди остальных педагогов, а второй, Юрий Юрьевич, совсем недавно пришёл работать в школу и ещё не набрал в коллективе учителей достаточного авторитета. К физруку пока осторожно присматривались, приближаясь к весьма неприятному для него общему мнению как о человеке ограниченном и весьма неумном, если не вовсе глупом.

В целом перспективы Тиму представлялись безрадостно: либо «лесная школа», что очень вероятно, либо, что не подлежит сомнению в любом случае, – остаться на второй год в родной школе. Он не плакал, не умолял о прощении, а стойко сносил все оскорбления молча, полный собственного достоинства и уверенности, что дело его правое. Он, словно военный фрегат в последнем неравном бою, объятый пламенем, но с поднятым флагом, ведя огонь из всех оставшихся орудий, шёл ко дну...

– Вот смотрю я на тебя, Дять, и диву даюсь! Вроде умный мальчик, а такое безобразие устроил. Вот скажи, зачем ты так поступил? – Василий Алексеевич негромким и ровным голосом выговаривал стоящему перед ним понурому Тиму.

– Ты о чём думал-то вообще? – продолжал он.

– Дять-Вась, а что они так ко мне? Я же ничего такого... Просто хочу Дмитриевым быть.

– Хотелка у тебя ещё не выросла, парень. Нельзя так! Понимаешь? Нельзя! Нельзя так с людьми, какими бы они ни были. Плохими они тебе кажутся или хорошими – не важно. Ты сам должен понимать, что вести себя надо разумно: ругаться и дерзить, особенно взрослым, нельзя. Вот ты сам подумай! Это я знаю, кто такой Виталий, да ещё лучше тебя знаю, поверь. Отличным человеком он был – героем! Светлая ему память! Ты знаешь, за что его орденом наградили посмертно? Молчишь. Не знаешь, а я знаю! И я тебя хорошо понимаю. Понимаю, почему ты фамилию его решил взять. Знаю, как он тебе дорог. Но они, учителя твои, не знают этого. Учился бы ты хорошо – ещё полбеды, а ты учёбу запустил, на двойки скатился, да ещё вдруг ни с того ни с сего начал требовать от всех к себе уважения. Уважения к своему выбору и решению фамилию другую взять. Ладно бы ты к директору школы ходил или к завучу, поговорил, объяснил, как и что. Но ты не так поступил, как все воспитанные люди делают. Ты не поступил так, как правильно было, а стал требовать и дерзить! Да к тому же ещё и обиделся на весь свет. Вот стоишь сейчас и даже на меня дуешься.

– Не дуюсь я, – пробурчал Тим, – мне обидно.

– На обиженных воду возят! – неумолимый в горькой правде, которая и для Тима казалась теперь очевидной, возразил Василий и продолжил: – И вот, разобидевшись на всех, ты, как вор, пробрался в учительскую и, стащив журнал, измарал и испортил его – официальный документ, между прочим. Ты о других не думал в тот момент, а думал только о себе и об обиде своей на весь свет!

– Ладно уж, – глядя на готового расплакаться парня, подытожил Василий Алексеевич. – Когда там у тебя педсовет-то?

– Послезавтра в четыре часа.

– Я помогу тебе, Дять. Схожу с тобой. Надеюсь, что получится убедить учителей простить тебя. Только дай мне обещание, что больше никогда не будешь так себя вести. Я не хочу за тебя краснеть. И вот ещё что: запомни! Заруби себе на носу раз и навсегда! Нет безвыходных ситуаций в жизни. На то тебе голова и дадена, да и разум в ней, чтобы понимать это. У человека всегда есть выбор. Всегда! Просто многие за лицемерием своим и эгоизмом не желают увидеть и сделать этот выбор. Когда кто-нибудь ныть начинает и оправдываться, мол, поступил я так потому, что выбора другого не было, то мне противно становится от такого и стыдно за него. Главное в жизни – научиться не только видеть выбор, а понимать и отвечать за принятые решения. Не разочаровывай меня больше, Тимофей. Будь достоин фамилии и отчества, что ты взял себе. Всё! Хватит нравоучений. Ты умный мальчик – сам разберёшься. Иди! Увидимся послезавтра в школе. И не опаздывай!

Два следующих дня Тим не находил места. Ужасные картины будущего разбирательства со страшным названием «педсовет» рождались одна за другой в воображении. Он боялся предстоящего и, силясь взять себя в руки, утешался одним – Василий Алексеевич обещал помочь. Тем ужаснее он почувствовал себя, когда в назначенный час пришёл к школе. Он надеялся, что встретит Василия Алексеевича у входа, но не увидел его там. Не нашёл он наставника и в холле первого этажа, и перед дверями учительской. Время бежало неумолимо, приближаясь к назначенному часу. Ровно в четыре часа пополудни, так и не дождавшись Василия Алексеевича, Тим, совсем упав духом, постучался в дверь учительской. Щёлкнул замок запертой на ключ двери:

– Да-да, войдите, – голос директора, Светланы Игоревны, звучал как-то необычно приподнято и, казалось, весело.

– Можно? – промямлил проштрафившийся школяр, вползая боком в полуоткрытую дверь.

Педсовет представлялся Тиму совсем другим. Увиденное в кабинете никак не согласовалось с тем судилищем, которое он ожидал со страхом, сжимавшим сердце. В учительской находилось всего трое: Светлана Игоревна, завуч Анна Петровна и... Василий Алексеевич.

Они сидели за столом и пили чай. То, что чаепитие продолжалось довольно долго, наглядно демонстрировал беспорядок на столе. В центре стола располагалось блюдо с немногочисленными остатками торта и полупустая вазочка с печеньем и конфетами. Лица присутствующих, покрасневшие и безмятежно весёлые, выражали благостную умиротворённость. У взрослого человека не возникло бы никаких сомнений в том, что участники своеобразного праздника пили не только чай, а наверняка что-нибудь более крепкое. Безуспешно пытаясь скрыть радостное выражение лица за напускной строгостью, Светлана Игоревна, давая невольный смех, но вполне официально сказала, обращаясь к Тиму:

– Здравствуйте, Дмитриев. Это хорошо, что вы пришли, выполнив обещание. Честно говоря, мне казалось, что мужества у вас не хватит. Мы внимательно слушаем вас. Вам есть что сказать в своё оправдание?

– Простите меня, Светлана Игоревна. Я не прав и виноват. Я больше не буду так...

– Что же, – молвила директор, после небольшой паузы взяв себя наконец в руки, и с упором на официальность обращения продолжила: – Ваше счастье, Дмитриев, – нашёл защитник, который убедил нас в вашем искреннем раскаянии и поручился за вас. Вам следовало не доводить до такого и сразу обратиться к педагогам: к классному руководителю, ко мне или к Анне Петровне. Вы понимаете это?

– Да, Светлана Игоревна, понимаю.

– Хорошо. Что касается успеваемости: всё будет зависеть от того, как вы напишете итоговые годовые контрольные работы. В том случае, если вы напишете контрольные успешно, думаю, мы войдём в ваше положение и исправим, авансом, прошлые неудовлетворительные оценки. Но в любом случае очень рекомендую заниматься дополнительно. Никакого снисхождения не будет, напротив – будет самое пристальное внимание, так что если начнёте лениться, то пеняйте на себя. Вам всё понятно?

– Да.

– Отлично. А теперь идите домой и готовьтесь. Первая контрольная на следующей неделе, в среду. У вас не так уж много времени осталось на подготовку, Дмитриев.

С контрольными, напряжением всех сил, Тимофею удалось справиться довольно успешно. Позже ему пришлось выслушать серию внушений от недовольных педагогов, мямля извинения и уверения, что более подобного не случится. Покаяния перед всем классом больно били по самолюбию, но он же обещал Василию Алексеевичу и не мог его подвести. Итоговые оценки за шестой класс учителя скорректировали, и Тима перевели в седьмой.

Всё лето Тим провёл дома в непрерывных занятиях по дополнительным заданиям, которые на него навалили учителя. Взрослые люди не любят менять собственное мнение, и, увы, предвзятость недовольных учителей так и осталась, превратившись в дальнейшем в пристальное внимание к его персоне на уроках. Тима спрашивали каждый раз, на каждом классном занятии. Даже когда отвечал кто-нибудь другой, за ответом одноклассника следовало неизбежное:

– Дмитриев, что вы можете дополнить?

Или:

– Дмитриев, скажите, где Смирнова ошиблась? Выходите к доске и исправьте решение задачи.

Или, когда всё решено правильно:

– Дмитриев, какие другие решения есть для этой задачи?

Как он ни старался – оценка за ответ неизбежно понижалась. Даже когда придаться не к чему, то всё равно – четыре, ну а когда он ошибался хоть в чём-то, то – три. Он стойко сносил несправедливое отношение некоторых учителей, держа в памяти: «Надо вести себя достойно и спокойно. Я обещал Ему. Я не должен Его подвести. Я дал Слово!»

С остальными дисциплинами, особенно с новыми: физика, химия, география – ситуация складывалась зеркально. Их преподавали учителя, знавшие о приключившейся истории, но они относились к Тимофею так, как он того заслуживал. Даже более того: ему прощались мелкие огрехи и оценки не только не занижались, наоборот – завышались. Вот и получалась забавная мешанина в дневнике: химия – пять; физика – пять; география – пять; биология – пять; алгебра – три; геометрия – три с минусом; русский – три; литература – три; история – пять с плюсом. Переход Тимофея в девятый класс сопровождался открытой дискуссией педагогов школы. Коллектив учителей разделился. Одни из них выступали безусловно за, восхваляя таланты Тима, а другие – категорически против. В итоге первые пересилили, и Тим остался в школе до конца обучения, до десятого класса.

Весь седьмой класс Тиму пришлось доказывать свою состоятельность. Постоянные занятия привели к тому, что у него, как и в самом начале, когда Варвара начала помогать, на подготовку домашних заданий уходило всё меньше и меньше времени. Тим успевал за какой-нибудь час с небольшим выполнить все уроки, заданные на дом, и в контроле со стороны он уже не нуждался.

Довольно спорный способ изучения устного материала, подаренный соседями, Тим вывел на новый уровень. Ему хватало одного раза пробежать глазами текст, после чего он пересказывал прочитанный материал свободно, складно, без слов-паразитов, лёгким правильным языком, неизбежно развивая ответ собственными трактовками и выводами. Успехи устных ответов на уроках льстили самолюбию подростка, и он уделял оттачиванию мастерства декламации всё больше и больше времени. В повседневности это мастерство проявлялось в феерической способности вести дискуссию или спор непринуждённо, весело и убедительно. Почти никто не мог составить Тимофею конкуренцию. Николай – единственный из товарищей, кто спокойно бросал Тиму вызов в словесной дуэли. Но Колька – друг, а не соперник. С детства их споры представляли собой лишь упражнения, своеобразные битвы на словах со своим отражением, с альтер эго.

Пускай некоторых учителей Тиму не удалось переубедить. Но самое главное то, что он не обманул доверия, которое оказал ему Василий Алексеевич, вступившись за него. И тот решил поощрить Тима. Может, поощрить, а может, просто занять появившееся у подростка свободное время нужным и интересным делом.

Жил в доме один сосед, Геннадич – так его все звали. Вполне обычный, тихий и безобидный мужичок. Но беда Геннадича, как и многих его ровесников, состояла в пагубной привычке, захватившей всё сознание некогда умного и грамотного специалиста. Геннадич спивался, и, несмотря на усилия жены, спивался окончательно и бесповоротно.

Когда-то, в молодые годы, Геннадич увлекался мототехникой. Венец увлечения – подержанный мотороллер «Тула-200М» – Геннадич приобрёл, вернувшись из армии. На старой квартире он держал мотороллер в гараже соседа, почти весь досуг отдавая любимому увлечению. Но переехав на новую квартиру, он потерял удобное место для хранения мотороллера, и старый его двухколёсный друг прозябал на балконе, разобранный до мельчайших деталей: рама – отдельно, двигатель и коробка передач, развинченные на составные части, – в двух деревянных ящиках, ну и прочие части – какие где. Забитый хламом балкон со временем превратился в одну из причин вечных скандалов Геннадича со второй половиной. Он стойко сражался за свои права, но жена, наседая на него с непреклонной уверенностью в правоте, в какой-то момент наконец добилась обещания избавиться от этого мусора. Геннадич попытался продать мотороллер, но у него ничего не вышло. Кому нужна эта «Тула» – разобранный, ржавый, без документов, давно пропавших без следа? Вот Геннадич однажды и подарил Тиму свой мотороллер. Вернее, так всегда думал Тимофей. На самом же деле «Тулу» выкупил у Геннадича Василий Алексеевич за трёхлитровую банку спирта.

Сокровище! Четырнадцатилетний парень, ставший счастливым обладателем железного монстра, именно так отнёсся к мотороллеру – как к Сокровищу. Это не какой-нибудь мопед. Это серьёзная техника: заводится от электростартера, четыре передачи, девять лошадей, двести кубиков, почти два метра длиной и весом в сто пятьдесят килограммов. На таком легко можно втроём с удобством ехать восемьдесят километров в час! А то, что он разобран на составные части, – так это даже интересней! К тому же мотороллер, выпущенный в начале шестидесятых, в середине восьмидесятых довольно редко встречался на дорогах. Вне всяких сомнений, Тула-200М» уже тогда, в эпоху «Явы» и «Чезета», почти превратилась в раритет.

Перетащив составные части мотороллера в квартиру, Тим отчётливо понял, что мама явно не одобрит приобретение. Раму – самую громоздкую деталь – с трудом удалось разместить на балконе, где она заняла почти всё свободное пространство. Ящики с частями двигателя и коробки передач, по степени важности, Тим расположил в своей комнате, расставив по углам, ну а остальное рассовал, где пришлось. Всё выглядело весьма пристойно, если не считать балкона, потерявшего все балконные функции. Мама поначалу отнеслась к увлечению сына довольно ровно, но в дальнейшем, когда Тим с друзьями занялся вплотную подготовительными работами по сборке мотороллера, потеряла лояльность к происходящему.

Подготовительные работы заключались в сортировке деталей в зависимости от назначения и чистке от старого масла, ржавчины и грязи в керосине. Мальчики старались сохранить квартиру в чистоте, но, увы, так и не достигли требуемого Юлей качества. Всё-таки квартира мало предназначена для подобных занятий – это не гараж и тем более не ремонтный бокс. За советом, что делать в сложившейся ситуации, Тим, Колька и присоединившейся к ним новый товарищ Лёха обратились к деду Николаю, который помог в решении возникшей проблемы самым неожиданным для ребят образом.

– Да, ребята, – говорил с усмешкой Василий, – тут вы правы: Квартира для такого дела мало предназначена. И Юля уже Варваре Георгиевне жаловалась...

– А как же быть, Василий Алексеевич? – спросил Лёха.

– Есть у меня хорошая идея, надеюсь, вам понравится. Был когда-то у нас на заводе мотоклуб. Он и сейчас есть, но давно уже хиреет. Даже, я бы сказал, захирел совсем. Раньше наши заводские ребята на соревнованиях выступали, первые места, между прочим, брали. Только сейчас мало кто интересуется этим у нас из молодых, а старики по возрасту не в состоянии, да многие уж на пенсию вышли. Жалко, конечно. Вот моё предложение: устрою я вам уголок в помещении мотоклуба, где можно спокойно заниматься мотороллером, да и помочь на заводе есть кому. А там, глядишь, может и возродите наш мотоклуб, если в охоту вам такое дело...

В назначенное время, ранним утром, трое друзей и с ними несколько товарищей из обоих дворов – всего с десятков ребятшек – приехали на завод. Первое посещение представляло собой экскурсию по предприятию. В конце экскурсии ребят отвели в мотоклуб.

Мотоклуб – некогда гордость завода, а ныне находящийся в печальном запустении – занимал отдельную небольшую территорию, не входящую в охранную зону военного производства и имевшую проход на предприятие через специальный пост охраны. Состоял он из небольшой площадки за собственным забором, двухэтажного неказистого старенького здания послевоенной постройки, бывшего некогда корпусом заводоуправления, такого же старого ангара – самого первого заводского цеха, двух ремонтных боксов для техники и пары сараев для складирования всякой нужной рухляди. Несмотря на запустение, хозяйство, которое предполагалось отдать в пользование молодому пополнению клуба, вызвало у самого пополнения небывалый энтузиазм.

В те времена, на пороге крушения советской системы руководство страны, спохватившись и узрев накапывающийся вал проблем, пыталось как-то усилить воспитательную работу среди молодёжи, особо не желающей становиться теми самыми строителями коммунизма, что так хотели создать из них престарелые лидеры государства. По этой причине, худо-бедно, госу-

дарством выделялись средства на создание всякого рода спортивных секций, клубов по интересам и проектов ДОСААФ. В данном случае мотоклуб существовал. Потребовалось совсем немного усилий и желания со стороны руководства завода и, главное, наличие людей, готовых посвятить свободное время любимому увлечению молодости и передать его, словно по завещанию, пытливым мальчишкам с горящими от восторга глазами.

Для подростков мототехника – всегда вожаемая мечта. В советское время для ребят, живших в деревнях и небольших населённых пунктах, мопед, позже мотоцикл, представлял собой обычное средство передвижения и увлечение, а для городских парней – почти несбыточную мечту. Некоторым городским ребятам родители покупали мопеды и мотоциклы, но в условиях крупного советского города мототехнику негде держать: либо мопед хранился на даче или в деревне у родственников, либо в гараже, если таковой имелся в семье. В ином случае для хранения оставался только балкон, лоджия или, в самом экстравагантном варианте, лестничная площадка подъезда дома. Хранить мототехнику на улице – это всё равно что выкинуть её на помойку. Рано или поздно обязательно найдётся завистливый прохожий, который изгадит или испортит любимого двухколёсного друга.

В августе восемьдесят третьего года мотоклуб, получив свежее пополнение в лице ребят из дворов Тима и Лёхи, а также присоединившихся к ним сверстников из числа детей работников завода, начал триумфальное возрождение. Старт этому дал Василий Алексеевич, добившийся поддержки руководства предприятия, министерства и ДОСААФ.

Увы, жизнь не стоит на месте. Люди появляются на свет, взрослеют, живут и стареют. Василий Алексеевич, уже немолодой мужчина, всего через год после того как благодаря его усилиям заводской мотоклуб очнулся от многолетней спячки, окончательно вышел на пенсию. Он уволился, отдав родному предприятию почти всю жизнь, в возрасте шестидесяти пяти лет.

Василий Алексеевич вышел на пенсию через месяц после первого соревнования, в котором участвовали ребята из мотоклуба. В юниорской секции городского первенства по мотокроссу с большим отрывом от соперников, во всех без исключения заездах неожиданно для всех победил молодой пятнадцатилетний гонщик Тимофей Дмитриев. Третье место в упорной борьбе с соперниками завоевал Алексей Бродкин. Два призовых места в соревновании взяли молодые гонщики завода, и к ним ещё два места в десятке лучших отбили их товарищи по мотоклубу. Настоящий триумф! Василий Алексеевич ушёл с лёгким сердцем, понимая, что его последнему детищу – мотоклубу – ничего не угрожает.

Увлечение детства и юности: мотоспорт и восстановление старенького мотороллера – превращение кучи бесполезного ржавого хлама в сверкающий, словно только сошедший с конвейера, идеально воссозданный в исторической идентичности и полностью работоспособный раритет – закономерно выросло для Тимофея и Алексея в дело всей жизни. Свой успех они однозначно связывали с одним человеком. Василий Алексеевич со временем превратился в их сознании в кумира и объект поклонения, в символ и эталон настоящего мужчины, настоящего человека. Он превратился в Легенду...

В тот день, в середине октября две тысячи пятого года, как и все прошлые восемь лет со дня кончины Василия Алексеевича, трое друзей вечером собрались в квартире Тима, чтобы почтить память и вспомнить человека, подарившего им судьбу.

Да простит взыскательный читатель некоторый пафос, с которым автор позволил себе писать так о вполне обычном человеке, каких в нашей стране миллионы. Василий Алексеевич прожил долгую жизнь, полную радостей и горестей, как и многие его сверстники. Жизнь, в сущности, трагическую, как трагично время, в которое он жил. Впрочем, как трагичны и жизни всех без исключения людей, с которыми сводила его судьба. Но он жил, любя жизнь и любя людей вокруг. Быть может, дело в этом? По прошествии многих лет после кончины память о нём жива и поныне. Жива в сердцах людей, знавших его, в их рассказах, что с каждым

годом с неумолимой необратимостью превращаются в светлый эпос уже не только о человеке, а о Герое, о Легенде.

Что же касается истории жизни Василия Алексеевича, то по понятным причинам основной её автор – Николай, любимый внук. Ведь большинство историй о собственном деде Коля знал не понаслышке и из первых уст: из воспоминаний родственников, друзей и рассказов самого Василия Алексеевича. Полностью историю жизни Василия привести не получится. По своему объёму эта повесть достойна отдельной книги, но самое важное вполне можно пересказать.

Глава 4. Легенда

Крестьянский сын, ровесник революции, Василий Алексеевич всю взрослую жизнь прожил в городах и большую её часть – в Москве. Получилось это благодаря его родному дяде – Фёдору Ивановичу.

Василий происходил из зажиточной крестьянской семьи. Хотя стоит отметить, что и соседи вовсе не бедствовали. Пожалуй, для всей деревни характеристика «зажиточная» вполне подходит, как и для остальных рязанских деревень бывшей Предтеченской волости. Мать, как и он, родилась в той же деревне, а вот отец – пришлый.

Отец Василия Алексеевича совсем юным сбежал из столицы, прячась от преследования полиции. Дело, по которому к нему проявила интерес полиция, было с нехорошим криминальным душком, и о его сути семейная история стыдливо умалчивает. Молодой Лёша, скрываясь в рязанской деревушке, изменил фамилию на довольно смешную и неблагозвучную – Шкуркин. Осев в деревне, он завёл семью, женившись на местной девушке Ольге, которая подарила ему в самые тяжёлые для страны годы восьмерых детей. До взрослого возраста дожили лишь трое сыновей и две дочери. Вася – средний сын.

Семья Ольги на фоне далеко не бедных соседей выделялась достатком. Семья вела не только сельскохозяйственную деятельность, но и владела мануфактурой – совсем маленьким заводиком, производящим иголки и булавки. До революции они держали значительные средства золотом в государственном банке. Вспоминая, бабушка сетовала каждый раз: «Зачем нужна эта революция, раз мы и так хорошо жили?» Ольга Ивановна прожила очень долгий век. Всю жизнь она горбатилась в местном колхозе за трудодни. Родное государство рабочих и крестьян щедро наградило её, обеспечив сытую старость на пенсии, выплачивая аж девятнадцать рублей в месяц.

Василий не думал уезжать из родной деревни. Он чувствовал себя очень комфортно в родном гнезде, но решение за него принял дядя. Как-то раз, Василию тогда уже исполнилось четырнадцать, дядя поймал его за какой-то шалостью и, сурово отчитав, приказал явиться в контору на следующий день рано утром. Василий даже и не догадывался о том, что его ждёт.

Утром следующего дня Фёдор Иванович, выписав нужные бумаги, выдал Васе немного денег, вручил билет на поезд до Москвы и бумажку с адресом сестры отца, напутствовав строго и неоспоримо: «Чтобы я больше тебя в деревне не видел!» Родной дядька выставил Василия из деревни, как раньше он то же проделал со всеми своими ещё неженатыми и незамужними детьми, а после и с младшими, да почти со всеми молодыми ребятами – детьми родственников и свояков. Он выписывал им документы, давал деньги и отправлял по адресам близких и дальних родственников, обосновавшихся в Москве. «Нечего вам тут делать!» – так говорил молодой родне недавно выбранный, а точнее назначенный, председатель колхоза.

Жизнь в семье московской тётки складывалась не сладко. Вася находился в доме родичей на положении прислуги. Он мыл полы, стирал, убирался, ходил за покупками и стоял в очередях. Бестолковая жизнь бедного родственника продолжалась вплоть до призыва в Красную армию в тридцать девятом году. Василий попал в артиллерийскую часть, которая базировалась в Средней Азии, на границе с Монголией. Служба началась с курьёза.

В то время в армии уделяли большое внимание политическому воспитанию молодых бойцов как верных борцов за справедливое и неизбежное торжество коммунистических идей во всём мире. Политинформации, с организованным чтением газет для всего личного состава, проводились регулярно и занимали много времени. На очередной политинформации, во время чтения передовицы одной из армейских газет докладчик озвучил новость, превратившую довольно скучное мероприятие в весёлое, наполненное шутками и подначками собрание. Старшего брата Василия, Владимира, призванного в армию двумя годами ранее, участника фин-

ской кампании, наградили орденом Красной Звезды. Так и написали в заметке: «...красноармеец Шкуркин В. А. за мужество и героизм в борьбе с белофиннами награждён Орденом...»

Политрук части, не скрывая весёлого настроения, вызванного этой новостью, повторял на все лады ещё очень долгое время, лишь завидя Василия: «Ну ты, Вася, дал! Два месяца как в армии, а уже орденосец!», «Где наш герой-орденосец?» и так далее.

Васе нравилась служба. Он много рассказывал о первых месяцах в армии Кольке и его друзьям.

– Дедовщина? Конечно, была, как же без неё? – ухмылялся Василий Алексеевич, рассказывая о начале военной карьеры. – Отдали меня, подшефного, старослужащему. Так принято было у нас. Он за мной ухаживал, будто за малой деточкой: подворотнички мне пришивал, сапоги чистил, следил, чтобы я опрятно выглядел, устав воинской службы вслух вечерами читал, словно сказку на ночь. А как же вы думали? Ведь если что не так со мной – ему сразу взыскание от командира: наряд вне очереди, а то и сразу два. Ну а если в порядке со мной всё, то в увольнительную нас обоих на сутки, а увольнительная – настоящий праздник. Эх, а какие девчонки приветливые жили в городке, где мы стояли! Просто загляденье, а не девочки – каждая словно спелая вишенка. Конечно же, я на службе старался! Совершенно невозможно старшего товарища подвести!

Для Кольки, наслушавшегося от демобилизовавшихся товарищей всяких рассказов нехороших про неуставные порядки, царящие в советской армии с шестидесятых годов, истории деда о его службе в качестве молодого казались удивительными байками, так непохожими на сформировавшиеся у него представления об армии.

Приятная для Васи служба закончилась 22 июня 1941 года. Его часть не бросили сразу во фронтовое пекло. Война началась и шла, а они всё стояли и стояли почти на том же месте дислокации. Полностью укомплектованная личным составом и самым новейшим по тому времени вооружением, вышколенная и обученная ведению боевых действий в постоянных учениях и тренировках, с офицерами и сержантами, имевшими боевой опыт, дивизия стояла в глубоком тылу. Дивизия стояла, и он вместе с ней.

Он – командир первого орудия второй батареи стадвадцатидвухмиллиметровых дивизионных гаубиц – лучшего орудийного расчёта в батарее, лучшей батарее не только родной дивизии, а всего округа. В то время, когда под Москвой гибли в полном составе почти безоружные и необученные отряды московского ополчения. В то время, когда одуревшие от страха высшие военачальники кидали в мясорубку битвы под Москвой три с половиной тысячи молоденьких будущих офицеров, подольских курсантов, которые погибли почти все в октябрьских боях под Малоярославцем. В то время, когда у разъезда Дубосеково четвёртая рота второго батальона 1075-го стрелкового полка в составе ста сорока человек приняла бой и, потеряв более сотни бойцов, дала основу для будущего мифа о двадцати восьми панфиловцах, как и другие их боевые товарищи в боях середины ноября сорок первого под Волоколамском, да и в других местах, ныне вовсе забытых. В это время полностью боеспособная часть Василия находилась, что называется, в резерве.

Год, другой шли тяжёлые бои на фронте, полные трагизма неудач и горечи тяжёлых побед. Потеряв в первые месяцы войны всю прославляемую ранее военную мощь: почти все танки, самолёты и артиллерию, но самое главное – миллионы солдат и офицеров, расплачиваясь страшными потерями на фронтах и с невозможным напряжением сил строя в глубоком тылу новые военные заводы руками матерей, жён и детей бьющихся за гранью человеческих возможностей фронтовиков, советское высшее командование держало за Уралом последний, как они считали, резерв. Для чего и почему? Сложно ответить. Пусть про это пишут историки, пусть расскажут, по какой такой важной причине лучший в округе орудийный расчёт вместе со своей частью простоял почти два года в глубоком тылу...

На фронт Василий попал только весной сорок третьего года. Он никогда не рассказывал о войне. Не осталось у него и боевых товарищей-однополчан. Большинство из тех, с кем он воевал плечом к плечу, погибли на фронте или умерли от ран вскоре после Победы. Конечно же, он пытался разыскать фронтовых друзей. Но по адресам товарищей, что помнил с их слов, он никого не находил. Василий несколько раз посещал встречи фронтовиков в День Победы, но увы! Однажды молодой фронтовик махнул рукой и прекратил поиски. Он прекратил, а его повзрослевшая дочка – нет. Снова и снова, каждый год в День Победы она ранним утром приезжала на место встречи фронтовиков с самодельным плакатом и стояла до самого вечера. Сначала она приходила в сквер у Большого театра, а после – ко входу в парк имени Горького. Несколько лет подряд, и всё безрезультатно. Но однажды всё же повезло: она встретила человека, воевавшего в дивизии отца. Правда, сослуживец поступил в часть значительно позже, после того как Василия Алексеевича тяжело ранило. Они встречались из года в год на День Победы, пока тот старенький дедушка был ещё жив. От него-то Василий и узнал о печальной судьбе многих товарищей.

Война для Василия Алексеевича продолжалась до конца сорок третьего. Два боевых ордена он носил на груди. Напрасно ёрничал в тридцать девятом политрук части. Именно орден Красной Звезды вручили Василию первой наградой, всего через месяц с небольшим после того как он попал на фронт. Николаю удалось уговорить деда рассказать о первой награде. Рассказ Василия Алексеевича, скупой на детали, вовсе не касался сути произошедшего. Он лишь обмолвился, после длительных уговоров Кольки, что намечалось наступление и перед ним всё командование батареи собрали на совещание на местности. Он же опоздал по причине медвежьей болезни:

– Спешил я очень. Знал, что если опоздаю – по шапке надают, но скрючило живот так, что чуть ли не под каждым кустом присаживаться пришлось. Они в лощине собрались. Я бежал со всех ног, взобрался на пригорок, их уж видел, и тут свист мины. Я вниз упал, голову руками накрыл. Взрыв – прямое попадание. Всех положило на месте. Наступление назначено, несколько часов оставалось до начала. Пришлось мне – старшему – принять командование над батареей.

Вот и весь рассказ самого героя. Так же и о второй награде – ордене Славы третьей степени – он вспоминал с неохотой, выдавливая из себя короткие рубленые фразы. По рассказу Василия выходило, что накрыло гаубицу ответным огнём. Мина разорвалась рядом с орудием и уничтожила лучший орудийный расчёт дивизии.

Позже, в начале нулевых, Колька совершенно случайно узнал некоторые детали последнего боя деда. Его пригласили в качестве специалиста помочь наладить автоматику системы вентиляции на одном военном объекте – в здании архива Министерства обороны. Конечно, он знал и номер части деда, и когда того наградили. Почему не воспользоваться удачным стечением обстоятельств и не навести справки?

В архиве нашли наградной лист последней боевой награды Василия. Копию Кольке снять не удалось, но прочитанные им лаконичные строки из наградного листа врезались в память. Узнал он и о первой: «Чем ранее награждён (за какие отличия): Орден Красной Звезды За подавление основных средств противника и обеспечение продвижения пехоты». А про последнюю, после длинного списка уничтоженных в разное время блиндажей с вражеской пехотой, миномётной батареи, какого-то метательного аппарата, следовало краткое описание ноябрьского боя у безымянной высоты рядом с шоссе Витебск – Смоленск: «Под сильным артиллерийским, миномётным и пулемётным огнём, отлично оборудовав огневую позицию, огнём прямой наводкой отразил две контратаки 30 автоматчиков, поддержанных орудиями „Фердинанд“, пытавшихся овладеть шоссе и высотой...»

Никогда Василий не рассказывал об этом никому. Это его, личное. Его память и его боль. Страх и ужас боевого расчёта, преодоленные усилием воли, позволившей восьмерым

молодым ребятам сначала на руках катить двух с половиной тонное орудие под огнём вперёд – на передовую позицию, тащить ящики с боекомплектом, окапывать орудие, а затем – стоять до конца.

Отлично оборудованная позиция лишь в первую атаку защитила расчёт, не выдав точное расположение орудия. Во вторую – их обнаружили. Делом времени оставалось для вражеской миномётной батареи нанести точный ответный удар. Безусловно, ребята знали, что их ждёт. Немецкий корректировщик туго знал своё дело. Мины ложились всё ближе и ближе с каждым залпом вражеской батареи. Они не дрогнули, не отступили. Последняя команда: «Беглым, огонь!» Последние четыре выстрела по последнему ориентиру. Пятый выстрел расчёт зарядить не успел...

Что мог он рассказать сопливым мальчишкам об этом? Рассказать про то, как его, единственного выжившего, придавленного лафетом собственного орудия, с двумя осколками в животе, выкапывали руками бойцы из прибывшего подкрепления? Рассказать про то, как лежал он, не потеряв сознания, корчась от страшной боли, в зимней каше растопленного снега, грязи и собственной крови? К чему подробности? Несложно представить себе последствия такого ранения. Что может быть страшнее осколочного в живот?

Ничего не рассказывал Василий Алексеевич ни про последний бой, ни про то, как выкапывали его, ни как несли, ни как в госпиталях полевых оперировали, ни как везли в глубокий тыл – в Челябинск. История, в деталях неоднократно с удовольствием повторённая многим, в том числе и Колькиным друзьям, начиналась со встречи в челябинском госпитале с будущей женой – Варенькой.

Обычная встреча, обычное знакомство для тех времён. Варя – тонюсенькая, словно тростиночка – в стайке таких же молоденьких девчушек возрастом от четырнадцати до восемнадцати лет зашла в сопровождении старшей медсестры в палату, где лежали десятком тяжелораненых и среди них – он.

Вася Шкуркин уже более месяца провёл на больничной койке с дренажом в животе, весь опутанный трубками с баночками, с несколькими капельницами рядом. Он сразу выделил её из всех девушек, смотревших на ребят с тоскливым ужасом и сочувствием. Несмотря на всю тяжесть своего положения, Вася и его товарищи по палате приняли новое пополнение медицинских сестёр госпиталя с радостным воодушевлением. А она, Варя, так же сразу обратила внимание на Василия.

– Что это у него? – волнительным шёпотом испуганно спросила она медсестру.

– А это, девочка, у меня самогонный аппарат! – ответил ей Василий вместо медсестры с весёлым смехом, под радостный гомон остальных раненых.

Она выхаживала его весь следующий год, пока он находился в госпитале, а после они начали встречаться – двадцатипятилетний инвалид и семнадцатилетняя девушка. Ничего такого не было между ними. Он мечтал, чтобы она вышла за него замуж, и не позволял никаких вольностей по отношению к невесте.

В сорок шестом году привёз бывший фронтовик молодую жену в Москву. Василий по направлению устроился на военный завод, где проработал до пенсии. Молодая семья жила в бараке на территории строящегося завода. Барак – замечательное название длинного деревянного каркасного одноэтажного строения из досок, прибитых к направляющим брускам внахлест, чтоб без щелей и не задувало снегом зимой и не заливало дождём летом. Жуткое строение, разумеется без воды и канализации, разделённое поперёк длинной части на несколько узких пеналов-комнат. В каждой комнате устроили небольшое окошко и дверь на улицу. Такое вот отдельное жильё молодой семьи инвалида войны – почти квартира, состоящая из тамбура и комнаты площадью в пятнадцать квадратных метров. Из удобств – печка-буржуйка для обогрева зимой и примус для приготовления и разогрева еды. Холодильник тоже присутствовал, но только в холодное время года – авоська, висящая за форточкой окна. Правда, можно ещё

и в столовую заводскую ходить, где обычно все питались, но не всегда в столовой есть будешь, иногда хочется и семейного ужина в домашней обстановке.

В этом чудном жилище молодая семья обрела счастье и двух детей – дочурку и сынишку. В пятидесятом году барак сгорел. Большая удача, что никто не погиб в пожаре. Василий успел вывести жену и детей, спасти из огня документы с наградами да швейную машинку «Зингер» – самую главную ценность семьи. Вытаскивать остальное времени не осталось. Убедившись, что семья в безопасности, Вася кинулся помогать соседям. Несколько месяцев они и другие погорельцы жили в помещениях местного клуба за сценой, пока на месте сгоревшего барака отстраивался новый – улучшенной планировки и повышенного комфорта. В новом бараке соорудили утеплённые полы, поднятые над землёй на целых полметра, и каркас здания обшили с двух сторон шпунтованными строгаными досками от ящиков из-под оборудования и станков, что устанавливали в цехах Завода.

Василий – молодой симпатичный парень, отзывчивый и чуткий, приятный в общении, да и к тому же бывший фронтовик – как-то сам собой выдвинулся на новом месте работы. Его, смыслёного и ловкого, лишённого войной детской наивности, не по годам рассудительного и вместе с тем очень целеустремлённого и порой жёсткого мужика, заметили и начали выдвигать на руководящие должности. Вася каким-то внутренним чутьём умел найти подход к самому несговорчивому человеку. Если упёртый собеседник оказывался, как и он, бывшим фронтовиком, то любой, будь то даже самый сложный вопрос Василий решал на раз и два. Со стройкой Завода, да и потом, возникали проблемы с поставкой строительных материалов или какого-нибудь нужного Заводу оборудования и оснастки. Для решения таких проблем посылали Василия.

Приезжал Вася на строительную базу за кирпичом, например, а в конторе сидел злобный какой-нибудь Иван Иванович – волевой и принципиальный, не терпящий никаких слов поперёк, который по матушке посылает любого и может выгнать из своего кабинета да хоть министра. Вася, сидя скромно в приёмной с невозмутимым видом, с ухмылкой на лице слушал, как Иван Иванович этот, крича на посетителя в своём кабинете так, что и на Красной площади его, наверное, слышно, посылает далече-далече представителя очередной самой важной стройки столицы. И тот, с красным лицом и возмущёнными криками: «Я на вас жалобу подам!» – убегает вон из кабинета Ивана Ивановича.

– Кто там ещё? – с яростью в хриплом голосе приглашает Васю в кабинет Иван Иванович. – Ну чего встал-то как пень? – продолжает он, изучая пронизательным взглядом молодого человека, стоящего в дверях. – Дверь закрой, парень. На ключ закрой. Ключ в двери. Давай, садись, – Иван Иванович встаёт из-за стола и, ловко орудуя костылём, скачет на оставшейся ноге к шкафу, открывает его и достаёт краюху хлеба да бутылку с прозрачной жидкостью. – Спирт-то не разучился ещё пить? Какой-то ты хилый и бледный на вид, – говорит он, доставая НЗ – банку тушёнки. – Давай уж... На, нож возьми. Открывай банку. Чего сидишь, как неродной? Рубай, парень. Рассказывай, где воевал-то?

После войны выжившие и демобилизовавшиеся фронтовики с гордостью носили боевые награды. А потом в какой-то момент они сняли, не стовариваясь, ордена и медали и не надевали более, разве что на девятое мая, который уж сделали обычным рабочим днём. Не любили гордость фронтовиков чинуши партийные. Очень им не нравилось поведение героев. Не любили они и всех этих инвалидов-«самоваров» безногих и безруких, что по поездкам на каталках и костылях ползали, гремя побрякушками своими бесполезными. Вот вам, герои, праздник новогодний по заявкам трудящихся:

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ
от 23 декабря 1947 года

Об объявлении 1 января нерабочим днём

1. Во изменение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. считать день 9 мая – праздник победы (*с маленькой буквы!*) над Германией – рабочим днём.

2. День 1 января – новогодний праздник – считать нерабочим днём.

А вот вам и цена наград ваших, по вашей же просьбе коленопреклонённой:

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

УКАЗ

от 10 сентября 1947 года

О льготах и преимуществах, предоставляемых награждённым орденами и медалями СССР

Учитывая многочисленные предложения награждённых орденами и медалями СССР об отмене денежных выплат по орденам и медалям и некоторых других льгот, предоставляемых награждённым, и о направлении освобождающихся средств на восстановление и развитие народного хозяйства СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отменить с 1 января 1948 г.:

а) денежные выплаты по орденам и медалям СССР;

б) право бесплатного проезда награждённых орденами СССР по железнодорожным и водным путям сообщения;

в) право бесплатного проезда награждённых орденами и медалями СССР в трамвае во всех городах СССР;

г) льготный порядок оплаты, занимаемой награждёнными орденами СССР жилой площади в домах местных Советов.

2. Утратила силу. (Указ от 12 января 1951 г.)

3. Сохранить за награждёнными орденами Славы всех трёх степеней льготы и преимущества, установленные пп. «а», «б» и «в» ст. 7 Статута ордена Славы.

4. Обязать Министра финансов СССР выплачивать награждённым орденами и медалями СССР причитающиеся им денежные суммы за время до 1 января 1948 г. в установленном порядке.

5. Поручить Совету Министров СССР привести ранее изданные постановления и распоряжения Правительства СССР в соответствие с настоящим Указом.

6. Предложить Верховным Советам союзных республик в соответствии с настоящим Указом внести необходимые изменения в законодательство союзных республик.

(Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – №41.)

Плевок в лицо! Иначе разве можно назвать такое? Да ничего, утёрлись герои и принялись жить дальше. Жизнь, она тяжкая: детей растить надо да подниматься, устраивая быт. Без наград, в обычной гражданской одежде, бывшие фронтовики узнавали друг друга сразу, с одного взгляда. Как такое получалось – то тайна, связавшая пролитой кровью их судьбы навечно.

Двумя боевыми орденами наградили Василия Алексеевича, к ним ещё полученный на фронте знак «Отличник-артиллерист», и всё. Остальные награды вручили ему после войны – юбилейные да медаль «Ветеран вооружённых сил». Кольку всегда волновал вопрос: «Как так? Два ордена почти что за год: один в начале боевого пути и один в конце. Неужели ни одной медалью боевой деда не наградили?» Лишь позднее от своего дядьки Николай узнал, что были у деда и фронтовые медали, да отдал он их все сыну для игры. Обычное дело для ветеранов, после войны молодых ещё людей, – отдали многие награды, потерявшие ценность, детям.

Видать, большой кровью достались деду Николаю два ордена и знак «Отличник-артиллерист». Настолько большой, что дорожил ими Василий очень, не скрывая этого чувства никогда. Ещё знал Николай по рассказу матери, что однажды, находясь в сильном подпитии, поведал дед с болью, что на фронте подавали большое количество представлений его к орденам – более

десятка, да не получил он ничего. То не доехал нарочный или не довёз, то сгорели с другими документами, а может, в каком-то кабинете кто-то важный и ответственный перечеркнул красным карандашом очередное представление Васи Шкуркина: «Недостоин!» Ещё один орден Василию Алексеевичу вручили в восемьдесят пятом, как и всем оставшимся к тому времени живыми ветеранам войны – орден Отечественной Войны первой степени.

Сняв награды в конце сороковых, Василий вновь надел их на девятое мая шестьдесят пятого года, но с особым нетерпением он ждал и готовился к юбилею Победы в семидесятом. Вся семья участвовала в приготовлениях. Заказали и сшили костюм специально для этого события. Все награды аккуратно пристегнули к пиджаку...

Увы, Василий встретил праздник на больничной койке. Седьмого мая с острым приступом аппендицита его срочно доставили в больницу. Операция проходила очень сложно: врачи никак не могли найти слепую кишку – все внутренности сдвинулись в результате ранения. Мама Николая рассказывала, как девятого мая она пришла навестить отца.

– Ну, принесла? – грозно спросил он, лишь только дочь зашла в палату.

– Да, папа, – молвила молодая женщина, стесняясь, доставая две чекушки из сумочки.

– Эх! Живём, ребята! – хлопнув в ладоши, радостно воскликнул Василий.

Сколько себя помнил Николай, Девятое мая в семье всегда проходило торжественно, искренне и радостно. Вся семья собиралась у деда и бабушки. К празднику готовились весь год. Гостей ждал роскошный стол, на котором чего только не было! Потом, после застолья, они шли гулять – смотреть салют. День Победы – главный праздник для семьи Василия, и даже когда его отменили, всё равно его отмечали каждый год, каждый раз.

Когда государство возглавил бывший фронтовик, праздник вернулся официально. Можно сколь угодно ёрничать и смеяться над дорогим Леонидом Ильичом, но вне всякого сомнения – он знал настоящую цену, уплаченную солдатами и офицерами в боях, как и цену, уплаченную надорвавшими здоровье на военных заводах, в госпиталях и на других работах в тылу женщинами и детьми фронтовиков. Вернулся праздник, вернулись льготы для уже немногих доживших ветеранов.

Василий Алексеевич всегда считал семью самым главным в жизни. Семью и любимую Вареньку – верную спутницу. Происходили между ними и размолвки, как в каждой семье, но всегда они оставались вместе. Оба очень сильные духом люди. Василий – крепкий человек, и жена ему под стать. В восемьдесят четвёртом году в жизни Василия Алексеевича случилась страшная беда – любимая заболела.

Жизнь складывалась тяжело. На долю поколения Василия и Варвары выпали суровые испытания: война, голод, тяжёлый труд и как следствие лишений – подорванное здоровье в самом цветущем возрасте, когда дети выросли и завели собственные семьи. После сорока Варвара Георгиевна серьёзно захворала. Болезни обычные – давление и сердце. Она не попустительствовала недугам, следила за собой и лечилась. Позже, после пятидесяти, последовала серия инсультов. Всего их произошло пять. Три – особенно тяжёлые, с параличом левой стороны тела, но каждый раз Варвара стойко преодолевала все трудности и полностью восстанавливалась. Сильная и мужественная женщина, она боролась и побеждала болезнь, но с последним заболеванием ей не суждено было совладать. Рак – страшный диагноз. Диагностировали его слишком поздно, и по уровню медицины середины восьмидесятых оказалось, что сделать ничего уже нельзя.

Она болела очень тяжело. Болезнь за три месяца высушила Вареньку, превратив статную красивую женщину в маленькую сморщенную старушку. Нет никаких сомнений в том, что во время болезни она страдала от непрекращающихся болей, но никто никогда не слышал ни одной жалобы или даже стоны из её уст.

Если бы он только мог, если бы остались силы, то Василий носил бы её на руках. Но он – сам уже больной старик – понимал, что не способен ничем помочь любимой. Ему удалось лишь

своей уверенностью поддерживать её силы. Василий до самого последнего вздоха Вареньки надеялся, что она останется с ним.

Она угасала и умерла в своей квартире, в окружении близких и любимых людей: мужа, детей и старших внуков. Она ушла, и нет слов, чтобы описать все оттенки горестных мук от неизбежного и непоправимого несчастья, что испытал Василий в тот миг, когда понял, что любимой больше нет рядом.

Василий держался как должно. Он мужественно перенёс похороны и поминки, но есть предел человеческой стойкости. Тот случай произошёл на глазах Николая и навсегда оставил в душе пример проявления настоящих чувств. Произошло это после сороковин, в день, когда Николай приехал к деду с родными, чтобы помочь разобраться в вещах бабушки...

Порядки в семье Василий установил весьма строгие. Не домострой, конечно, но, безусловно, глава семьи имел право решающего голоса и все должны были подчиняться ему. При этом личное имущество каждого домочадца считалось неприкосновенным. Никогда, ни при каких обстоятельствах никто из домашних не имел права вторгаться в личное пространство другого. Так в какой-то мере сложилось и в семье Николая. И когда он жил с родителями, и когда создал собственную семью. Коля не помнил, чтобы в детстве или юности родители позволяли себе копаться в его вещах. Лишь иногда отец или мама, дабы проверить порядок в ящиках стола или на полках шкафа, исключительно в воспитательных целях не то чтобы проводили инспекцию в его присутствии, а напоминали о необходимости содержать вещи в порядке. Когда мама забирала одежду Николая в стирку, то настоятельно просила проверить карманы на предмет нахождения там разного рода личных вещей и вытащить их. На обычные стенания Кольки: «Мам, ну посмотри сама», – та подходила к нему и требовала: «Нет уж, давай-ка сам!»

Конечно же, Василий Алексеевич не допускал и малой возможности для себя не то чтобы рыться в вещах жены или детей, но даже брать в руки без ведома. Он лишь приблизительно представлял состав того, что хранилось у Варвары.

В тот день Василий сидел посреди комнаты жены на стуле и наблюдал, как его дочь, сын и внуки, открыв шкаф, трюмо или прикроватную тумбочку Вареньки, достают оттуда её личные вещи, дабы определить их дальнейшую судьбу с его, Василия, согласия. Грустная, но неизбежная церемония. Трудно вообразить, что чувствовал он, глядя, например, на шкатулку, которую купил для Вареньки много лет назад, в первую поездку на отдых в Ригу. А маленькие золотые часики – подарок на двадцатилетие свадьбы? А милые безделушки, что преподносил он на дни рождения? Тонюсенькая серебряная цепочка – первый подарок любимой... Словно жизнь повернула вспять: на десять лет назад, на двадцать, на тридцать, и снова вернулась в маленькой брошке – последнем подарке на последний юбилей – пятьдесят пять лет! Но больше всего Василия потрясло совсем другое...

Всю жизнь Варвара Георгиевна увлекалась рукоделием. В юности увлечение так сильно захватило её, что Варя решила посвятить себя этому занятию. Быть может, если бы не война, а после непрекращающиеся семейные заботы и хлопоты по устройству хоть какого-нибудь уюта в бараках, где они прожили долгое время, она достигла бы значительного успеха и признания. Впрочем, успеха она всё же достигла. Обшивая не только собственную семью, но и делая вещи для множества знакомых и друзей, она заслужила безусловное уважение за свой талант.

В начале шестидесятых произошёл такой случай. Её подруга, соседка по дому, находясь на каком-то официальном торжестве, вызвала фурор среди присутствующих своим умопомрачительным вечерним платьем, что сшила ей Варвара. На празднике присутствовала одна дама – директор известного салона модной одежды на Кузнецком мосту. Дама добилась встречи с Варварой и несколько лет подряд упрашивала поступить к ним, но Василий Алексеевич выступил категорически против. Он убедил жену, что такая работа ей не подходит. В результате Варвара, окончив бухгалтерские курсы, устроилась в министерство, что курировало Завод.

Сколько Николай себя помнил, бабушка постоянно что-то для кого-то шила. В её комнате на столе всегда лежали выкройки и разной степени готовности вещи. Разбирая её имущество, Николай обнаружил огромное количество выкроек, сделанных на кальке или из бумаги и картона, а ещё он нашёл несколько альбомов разных времён – от совсем старых, с пожелтевшими листами, до достаточно свежих. В альбомах бабушка рисовала одежду всевозможных фасонов и назначений: от простеньких сарафанов до бальных и свадебных платьев.

Альбомы с бальными платьями больше заинтересовали Свету, по вполне понятной причине. Она и прежде, с раннего детства, навещая бабушку, любила рассматривать её наброски, просиживая за ними часами. В тот день, уверенно взяв у Николая стопку рисунков, она уж не выпускала их из рук. В общем-то, никто и не возражал тому, что они теперь принадлежат Свете. Альбомы не просто лежат до сих пор у неё где-нибудь в шкафу. С десятков платьев, сшитых в ателье по рисункам бабушки, Светка носит и сейчас. Мода только с виду меняется с каждым годом, на самом деле – лишь двигается по кругу.

Кольке запомнился ещё один случай, произошедший в год, когда он вступился за честь Таси. Тем летом бабушка восстанавливалась после последнего инсульта. Она почти преодолела последствия болезни, но, конечно же, двигалась ещё не очень ловко.

В один из летних дней ребята из двора Тима во главе со своим атаманом решили пойти в парк, на озеро: позагорать, покупаться и отдохнуть. Беда в том, что Колька забыл привезти из дома плавки. Бабушка легко исправила безалаберность внука. Она сняла с него мерку и за какие-нибудь тридцать минут сшила из подходящего материала необходимый аксессуар. Как же удивился Николай, когда на пляже оказалось, что ровно в таких же плавках щеголял Тим и ещё двое ребят из их дома...

Уж извините за столь многословное отступление, но без него трудно понять произошедшее. Материал для работ Варвара хранила в шкафу. Там, в отделении для верхней одежды, внизу лежало много тканей различного назначения, аккуратно свёрнутых и сложенных в приличную стопку. Вынимая рулоны материи, мама Николая обнаружила за ними, у самой стенки шкафа, спрятанные Варварой от мужа несколько бутылок. Бутылки с водкой и спиртом, разной степени наполненности, явно находились в шкафу достаточно давно.

Когда Василий увидел батарею бутылок с полувыдохшимся спиртным, то не смог более сдерживать себя и горько заплакал...

Через год, следующим летом, Коля сопровождал деда в поездке в Челябинск к родственникам. В Челябинске, в родном доме семьи Варвары, жила одинокая её младшая сестра Елизавета. Лиза, инвалид детства, страдала умственной неполноценностью. Её нельзя назвать сумасшедшей. Скорее, она производила впечатление слишком наивного, немного странного и не очень образованного человека. Несмотря на недостатки, она умудрилась заработать себе пенсию, не очень большую, но достаточную для ведения одинокой жизни и хозяйства.

Дом некогда располагался в самом центре Челябинска, а в пятидесятых годах, при массовой застройке центра города, его перевезли на окраину. Деревянный классический пятистенник, построенный дедом Варвары чуть ли не сто лет тому назад, несмотря на перипетии, связанные с его переносом на новое место, находился в достаточно хорошем состоянии. Дом принадлежал Варваре, а с её кончиной перешёл в собственность Василия. Основной целью поездки Николая и деда значился ремонт протекающих крыш дома и сарая. Конечно же, Василий Алексеевич не мог отремонтировать крышу. Все работы легли на плечи Николая. Несмотря на отсутствие опыта в кровельном деле, Колька справился почти на отлично.

Помимо неотложных хозяйственных дел, Василий Алексеевич провёл в Челябинске несколько личных встреч с родственниками жены. Череда довольно скучных походов в гости не оставила у Николая каких-то ярких воспоминаний.

– Я смотрю, заскучал ты совсем, – с ухмылкой сказал дед после очередного посещения дальних родственников Николая. И когда Колька забормотал стыдливо что-то невразумитель-

ное, дед продолжил: – Да мне и самому не хотелось идти к этим... Не люблю я их. Противные они и занудливые. Но не волнуйся, завтра поедем к моим старым друзьям. Уверяю, скучать не придётся!

Николай скептически пожал плечами. Он не ожидал ничего хорошего от нового похода в гости: «Опять заунывные разговоры. Скукота. И потом в кино, наверное, тащиться придётся со стариками – на какой-нибудь индийский фильм. Уф! Огород остаться копать, что ль?» Ох, как же он ошибался!

Пётр Елизарович с супругой Вероникой представляли собой примечательную и приятную пару. Уже немолодые, они производили впечатление таких жизнерадостных и приветливых людей, что удивлению Кольки, привыкшего к московской чопорности и снобизму, не было предела. Общение с ними далось Кольке легко и весело.

Пётр моложе деда Николая года на четыре или на пять. В нём чувствовалась некоторая суровость и военная выправка старого солдата. Действительно, весь жизненный путь Петра связан с армией. Вместе с тем он не выглядел солдафоном. Он любил пошутить и скаламбурить, что Николаю очень импонировало.

Василий познакомился в Петром в палате для тяжелораненых челябинского госпиталя. Пётр занимал соседнюю койку. Как и Василий, Пётр встретил будущую жену, Вику, в тот же самый день, что и дед Николая Вареньку. Варвара и Вика – две подружки, в то время учившиеся на швейных курсах, – пришли в госпиталь помогать уходу за ранеными. Если Василия опутывала сеть дренажных трубок, торчащих из живота, то Петя, в противоположность ему, представлял собой завёрнутую в бинты мумию.

Во время войны Пётр командовал танком и получил тяжёлое ранение всей верхней части тела. В башню танка попала болванка. Попадание вражеского снаряда оказалось удачным в том смысле, что прошло немного вскользь и не сорвало башню, а лишь заклинило её, откатив танк с косогора, на который тот выехал, обратно вниз. Попадание вызвало смертельный дождь осколков брони с внутренней стороны башни, поразившей насмерть часть экипажа. Пётр получил сильную контузию, потерял левый глаз, его лицо и плечи посекали мелкие частички металла. Всю последующую жизнь ранение напоминало о себе, помимо навсегда оставшихся шрамов, выходящими из тела и головы мельчайшими осколками брони. В отличие от Василия Пётр, выписавшись из госпиталя, несмотря на последствия тяжёлого ранения остался на военной службе – сначала в качестве инструктора на курсах подготовки танкистов, а затем – преподавателем в Челябинском танковом училище. В восемьдесят пятом, находясь давно на пенсии, он продолжал читать какой-то курс будущим командирам-танкистам.

Кольке очень понравилось в Челябинске. Красивый, чистый и ухоженный город. На фоне Челябинска родная Москва, к его стыду, казалась какой-то грязной помойкой. Приветливые горожане, с которыми Кольке довелось общаться, в целом оставили в душе приятные впечатления. И эта пожилая семейная пара, друзья деда, вызвала у Николая самые светлые чувства.

Они много времени провели вместе. Радушие Петра и Вики не знали границ. Супруги пригласили старого друга и его внука на дачу. Дача, несмотря на то что находилась на совсем маленьком участке, всего четыре сотки, очень понравилась Николаю. А особенно понравилась ему шикарная баня, спрятанная в подвале дома. Почему спрятанная? Сложно сказать, по какой такой причине советским гражданам, даже таким заслуженным людям, как Пётр Елизарович, государство не позволяло строить на приусадебных участках полноценные двухэтажные дома и слишком просторные подсобные помещения. Что уж про баню говорить?! Забавно, но даже количество плодовых деревьев и кустов на участке регламентировалось достаточно жёстко. Смешно, право. Вот и Пётр, посмеявшись, взял да и построил полноценную баню, спрятанную от завистливых глаз в подвале дачного домика. Впрочем, и подвал тоже устраивать запрещали...

Колька не ограничился лишь словами благодарности за гостеприимство. Вызвав законную гордость деда и искренний восторг пожилой четы, он починил старенький телевизор, стоящий на веранде. Чёрно-белый телеприёмник уж лет пять покрывался пылью. Собственно, Николай никаких неисправностей серьёзных в нём не обнаружил. Он почистил его, отрегулировал переключатель каналов да лампы, выскочившие из гнезд из-за ослабших от времени прижимных пружин, назад вставил – всего делов-то. Однако это чудо, вкупе с рассказами деда о том, как внук классно крышу перекрыл, вызвало у Петра Елизаровича искреннее восхищение.

– Колька, да ты на все руки мастер! Молодец! А с виду и не скажешь – мальчишка ещё! А девочка у тебя есть? – спросил он, глядя на покрасневшего Кольку, и, весело смеясь, продолжил: – Ну смотри, мастер, если что – переезжай к нам. Мы тебе и невесту найдём. Внучек у нас три – выбирай любую. Знаешь какие красавицы? Такого парня упускать никак нельзя...

Выделенные на поездку в Челябинск десять дней промелькнули как один. Настало время собираться в обратный путь. За пару дней до планируемого отъезда Колька и дед отправились на железнодорожный вокзал с целью приобретения билетов. На вокзале их поджидал сюрприз – билеты на Москву отсутствовали. В кассы стояли длиннющие очереди обзлётных неудавшихся пассажиров. На ближайшие дни билеты раскупили все: и на фирменный скорый, что долетает до столицы за тридцать три часа, и на обычные поезда.

Колька с печальным выражением лица стоял посреди главного вокзального помещения.

– Ты тут стой, – со сосредоточенным видом велел дед.

– Ага, послушай, похоже, что останусь я в Челябинске, как Пётр Елизарович хотел...

– Не волнуйся, – отвечал ему Василий. – Пойду посмотрю, поспрашиваю, что и как. Надо обстановку разведать. Не паникуй, Колька!

Уверенность в голосе деда, с точки зрения Николая, отсутствовала полностью. Вот и стоял Коля уж минут двадцать, глядя, как Василий Алексеевич бесцельно шляется по вокзалу. Дед то к одному кассовому окошку подойдёт, то к другому, игнорируя гневные восклицания раздражённых людей, стоящих в очереди, то поймает какого-нибудь человека в железнодорожной форме и заведёт с ним разговор...

Поведение деда всё более и более настраивало Кольку на грустные размышления. Закончив бестолковые метания, дед скрылся за какой-то дверью с вывеской: «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещён». Через некоторое время он вышел и исчез тут же за соседней дверью, тоже служебного помещения. Чуть погодя он вышел и оттуда, оглянул вокзал и, увидав внука, заспешил к нему с расстроенным видом. За время хаотичных перемещений деда Колька уж выяснил, что билеты есть только на плацкартные места и то на поезд, отправляющийся в Москву лишь через две недели.

– Ну что, плохи наши дела? – глядя на недовольно-печальное выражение лица деда, спросил Николай. – Надолго застряли мы тут?

– Да нет! Едем, как и хотели, послезавтра.

– Как это?

– Как? Вот билеты. Удалось достать только купейные, на фирменный поезд.

– Купейные? На фирменный? – ошарашенно спросил Николай.

– Да, купейные. В купе поедем. Я СВ хотел, но нет их. Только купейные удалось взять – две нижние полки.

Колька и раньше видал, как дед договаривается. Всегда этот процесс со стороны выглядел как-то некультяписто и даже смешно: глупые шараханья, бестолковые и бессмысленные разговоры со случайными и вроде не имеющими отношения к основному делу людьми, но всегда в итоге сумбурных и внешне непонятных действий дед получал то, что ему надо. Последнему случаю, помимо Николая, свидетелями оказались и его друзья – Тим и Лёха.

Произошло это в девяностые, в пору заката, а точнее разорения, разных финансовых пирамид, которые навязчивой и частой рекламой завлекали в свои сети неискущённых в рыночных отношениях доверчивых бывших советских граждан. Василий Алексеевич, как и многие другие, поддался рекламным обещаниям одной из пирамид. Он вложил крупную сумму и принялся ждать, когда вырастет дерево с золотыми монетками вместо листиков. Колька с друзьями пытался отговорить Василия Алексеевича от рискованной финансовой операции, но тот не внял советам.

Пирамида закономерным образом обанкротилась, и её шикарный офис в самом центре Москвы осадила толпа недовольных вкладчиков.

– Ну что, поиграл в рулетку беспроигрышную? – вопрошал его Колька после случившегося. – Говорили тебе...

– Поеду завтра – разведу обстановку, – сообщил ему на это Василий обычной своей фразой.

– Давай. Поезжай. Может, мне с тобой? Помогу чем?!

– Нет, не надо. Я сам разберусь.

На следующей неделе Николай не преминул поинтересоваться у деда, с обычной для него ехидной подковыркой, об успехах посещения офиса банкрота:

– Как дела?

– Нормально, Колька, – Василий Алексеевич отвечал, как всегда, спокойно, с лёгкой усмешкой. – Съездил, поговорил. Отдали мне все деньги с обещанными процентами.

– То есть как? – практически в один голос вопрошали с Николаем присутствующие тут же Лёха и Тим.

– А вот так! – дядь-Вась улыбнулся. – Приехал я к офису, а там – толпа. Даже близко к дверям не подойдёшь. Милиции полно. Все шумят, ругаются, скандалят. Решил я кругом обойти здание. Глянул – за ним стоянка автомобильная. Поговорил я с охраной, и меня пропустили. Дверь там была – служебный вход. Я туда. Поднялся в офис по лестнице, а в офисе ребята сидят, молодые такие ребятки, как вы, лица умные, симпатичные...

– А дальше-то что? – воскликнул с нетерпением Колька.

– Ничего! Поговорил я с ними. Хорошие ребятки оказались. Выплатили они мне всё сполна, и я домой поехал.

– Просто так отдали?

– Да.

Отец неоднократно говорил Николаю: «Будь перестройка лет на десять—пятнадцать раньше, то с твоим дедом мы бы сейчас как сыр в масле катались». На что Николай возражал и получал следующее пояснение: «Ты деда не видал лет в сорок пять. Это сейчас он старый и совсем больной, а тогда он ого-го какой был – крутой мужик. Без мыла в любую щель залезть мог, да и связи у него имелись потрясающие – все его знали... А на праздниках? Ты бы видел, как он заводил всех! На свадьбу не найти лучшего тамады. Таким человеком дед тогда был, сейчас уж не то – сдал Алексеевич здорово, особенно после смерти бабушки твоей...»

Семейная трагедия сильно отразилась на Василии Алексеевиче, но он не остался одиноким. Поездка с внуком в Челябинск вдохнула в Василия жизнь. Гордость за Кольку, да и за других внуков превратилась в стимул на новом этапе жизни, который помог воспрянуть Василию. Николай восхищёнными отзывами о прекрасной даче Петра и Вики натолкнул Василия на мысли, что стоит и им задуматься о загородном летнем жилище. Новая цель Василия – постройка дачи для внуков – не на шутку захватила его. Дачные хлопоты превратились для него в новое важное дело, позволившее прожить ещё десяток с лишком лет.

Василий ранее всегда противился дачному копанию в земле, теперь же, после обретения дачи, он полюбил её. Каждый год с начала мая по конец сентября он переезжал на дачу.

– Как же тут хорошо! – восклицал он неизменно. – Представляешь, Колька, за всё лето я ни одной таблетки не принял.

Отец Николая в конце восьмидесятых находился в длительной командировке, а старший брат служил в армии. Все первоначальные дачные работы легли на плечи Николая, под командованием деда, разумеется. Удивительно, но деревья и остальные посадки, что Колька сделал под руководством деда, прижились и плодоносили «со страшной силой». Это тем необычно, что на самом-то деле крестьянский сын проявил себя весьма несведущим в искусстве выращивания чего-либо. Один случай посадки чеснока и топинамбура чего стоил!

– Между клубникой надо чеснок посадить – от вредителей, – назидательно объяснял Николаю дед. – Колька, надо глубже сажать.

– Насколько глубже? – интересовался с сомнением внук, ковыряясь в клубничной грядке.

– Сантиметров на тридцать—сорок, а ещё лучше – на пятьдесят, – уверенно распорядился Василий.

Колька сделал как велено. Неужели спорить с дедом, который более чем в три раза старше годами? У деда жизненный опыт и знания. Топинамбур, подаренный мамой Тима, похоронили на полтораметровой глубине.

Всё лето Николай ждал, когда чеснок появится. Его «терзали смутные сомнения», прав ли дед, так как уже наступил август, а чеснок ещё не проклюнулся. Наконец в середине последнего месяца лета вылезли росточки чеснока. Чеснок «пёр» на глазах. Колька подумал тогда: «Молодец всё же дед. Вот что значит опыт!» Чеснок вымахал за три недели чуть ли не на полтора метра в высоту, похожий по толщине ствола не на чеснок вовсе, а скорее всего на рогоз. Николай предвкушал: «Если уж ствол такой, то какой же должен быть корень?» Богатое воображение рисовало ему радужные картины огромного чеснока величиной с приличную репу.

Увы и ах! Первая попытка извлечь из недр земли огромный чеснок обычным, как все это делают, способом привела к неудаче. «Оно и понятно», – думал Колька, держа в руке выдернутый из земли чуть не в руку толщиной стебель: «Чеснок-то огромный!» Николай, вооружившись маленьким садовым совочком, принялся за раскопки. Первую лунку он копал быстро, с воодушевлением и предвкушением, а на финишной полуметровой глубине – медленно и аккуратно, чтоб не повредить искомое сокровище. Но сокровище отсутствовало! Колька ничего не добыл. Во вторую попытку, без выдёргивания ствола растения, Колька извлёк корень.

Да-да, всё лето чеснок пробивался, следуя постулатам теории борьбы за выживание, к солнечному свету и вырвался. Все силы отдало растение для этого и на корень величиной с репу времени у него не хватило. Корень чеснока с удивительно толстым стеблем остался ровно таким же, как в момент посадки. Что касается топинамбура, то он пробивался верхками на поверхность три года. Про него уж и забыли все. Заросли топинамбура обнаружил отец Коли, вернувшийся из командировки.

– Колька, это что там за заросли такие? Пошли покажу. – Глянь, что за тропическое растение вы тут с дедом посадили? Бамбук напоминает. – Ага! Ну вы молодцы, ребята. – Выкапывать будем? Нет? А что так, Колька? – Понятно. Полтора метра, говоришь? – Ну-ну.

Тем и закончилось руководство дачными работами у Василия Алексеевича – отец Николая взял хозяйство в свои руки.

Василий Алексеевич особо не возражал. Он с облегчением отказался от дачных хлопот в пользу зятя. Избавившись от забот, дядя-Вась принялся на даче отдыхать в полную силу. Он любил, когда на даче собиралось всё семейство и их гости, да и оставаясь один, Василий совсем не скучал. Впрочем, говорить, что он оставался на даче один, немного неверно. Отличную компанию ему всегда составляла кошка Николая, которую все так и звали – Киса, ну или нежно – Кисуля.

В доме Василия никогда не было никаких животных. Варвара Георгиевна никак не соглашалась завести какого-нибудь питомца. Единственное, что она позволила супругу – это аквариум с золотой рыбкой, и даже из-за рыбки ворчала недовольно. Заводить собаку он сам не хотел. «Зачем мучить и себя, и несчастное животное? Собака должна жить на свежем воздухе, а запира́ть её в душном помещении – только портить», – так он всегда считал, повторяя всем и каждому при удобном случае. Ну а насчёт кошек и котов Варенька категорически возражала. Их квартира всегда находилась в идеальном порядке и чистоте, для поддержания которого Варвара тратила большую долю сил и времени. Когда жены не стало, Василий уж не в силах был ухаживать за кем-то в полной мере, пусть даже за кошкой, не говоря о собаке. В общем, в доме Василия с животными как-то не сложилось. Зато на даче – всё иначе.

Между Василием и Кисой возникли самые что ни на есть дружеские отношения. Он неизменно восхищался удивительным животным, рассказывая родным новые истории о кошке. В очередной приезд Кольки или других родных Василий давал отчёт о своём житье на даче, постоянно упоминая Кису: «Мы с Кисой...» – так всегда начинались его рассказы, и не важно, ходили ли они по грибы или ягоды, дрова пилили или газон косили.

Киса, словно она не кошка, а собака, сопровождала Василия везде, даже в походе за грибами и ягодами. Он общался с ней, как с человеком, и казалось, что она прекрасно его понимает, просто ответить не может. Одно время Николай, да и другие родные воспринимали рассказы Василия о кошке и его манеру общения с животным как чудачество немолодого одинокого человека, но позже им пришлось изменить мнение на этот счёт.

Кисуля – действительно удивительное животное, так не похожее на других кошек. Она славилась весьма странными для кошачьих гастрономическими предпочтениями. Киса очень любила огурцы и помидоры и поедала их с громким благодарным урчанием, предпочитая овощи рядом лежащему мясу или рыбе. При этом её можно назвать и умелой охотницей, способной изловить не только грызунов или лягушек, но и птиц. Она охотилась постоянно, вне зависимости от того, сыта или голодна, видимо для собственного удовольствия. Каждый раз она приносила часть пойманной добычи исключительно Василию, игнорируя присутствующих на даче его домочадцев. Как и все представители кошачьих, Киса каждый год производила на свет многочисленное потомство. Николай уж замучился пристраивать котят. Топить деток Кисы никому и в голову не приходило.

Находясь с дедом на даче, Киса обычно приводила очередного жениха на смотрины к Василию для одобрения или выбраковки. Сначала Василий не придавал особого значения Кисулиной странности, а потом решил провести эксперимент. В шутку он забраковал приведённого ею претендента в женихи. И что же? Киса прогнала неудачника и привела следующего кандидата. Василий, удивившись, решил проверить ещё раз – раскритиковал второго. Тогда Кисуля привела третьего...

Итак, собственно, история. Произошло это в пятницу днём, когда Василий с Кисой ожидали приезда Кольки и Лены с правнучками Олечкой и Машулей. В то время забор вокруг участка ещё не закончили. Забор построили с трёх сторон, а четвёртая оставалась открытой, с целью беспрепятственного завоза материалов для возведения очередного важного объекта – бани.

Начиналась вторая половина дня. В это время соседи, приезжающие на выходные, ещё не успели доехать до своих дач. Правда, всё чаще и чаще некоторые из них, с целью избежать вечерних пятничных пробок, выезжали немного раньше, отпрашиваясь с работы. Так поступил в тот день Юрий. Вернее, Юрий Иванович – пышущий здоровьем солидный мужчина средних лет.

К четырём часам дня, закончив все первоочередные дела, связанные с приездом на дачу, Юрий решил прогуляться по окрестностям и поприветствовать соседей. На прогулку он вышел

со своим псом Рексом – трёхлетним кобелём породы немецкий боксёр. Ничто не предвещало беды.

Как раз в тот момент, когда Юрий со своим мечущимся в радостном возбуждении псом подошёл к участку, Василий, закончив обед и приняв для хорошего настроения сто грамм, сидел на ступеньках крыльца, благодушно общаясь с Кисой. Кошка, нежась на травке, находилась между Василием и проходящим мимо Юрием. Юрий поднял в приветствии руку, начав здороваться с Василием Алексеевичем. Тут-то его пёс, увидев Кисулю, с громким лаем бросился к ней. Немецкий боксёр мчался на Кису с явными нехорошими намерениями. Вид беспечной кошки сильно взбудоражил Рекса, и он никак не отреагировал на запрещающие команды Юрия. Пёс видел цель и не собирался останавливаться.

Киса могла спокойно убежать. Ей ничего не стоило в два прыжка вскочить на сложенную рядом большую стопку пиломатериалов, или спрятаться под дом, или забежать в открытую дверь дома. Путей отхода на выбор – множество. Кисуля приняла другое решение. Она посмотрела на сидящего на ступеньках крыльца Василия, затем на приближающегося страшного пса и после небольшой паузы развернулась в сторону собаки, забежавшей на участок. Кошка атаковала, ринувшись навстречу псу. В скоротечном сражении Киса не оставила никаких шансов Рексу. Она, запрыгнув на спину псу, вцепилась ему в холку зубами и передними лапами, а задними принялась полосовать когтями по морде. Задорное рыканье Рекса сменилось воем и визгом. Собака в ужасе и страхе бежала, оставив поле битвы. Но на этом история не закончилась.

Где-то через час на участок Василия пришёл разгневанный Юрий. Рекс получил более чем серьёзные травмы. Киса не только разодрала псу морду, но и лишила одного глаза.

– Я убью твою кошку! – кричал Юрий.

– Нет! – отвечал Василий Алексеевич спокойно. – Ты, парнишка, не кричи на меня. Права у тебя такого нет. Воспитывать надо тебе собаку свою как следует или на поводок пристегнуть, раз уж она у тебя такая нервная.

– Вот увидишь, я достану её! Она заплатит! Она изуродовала мне пса! – не унимался покрасневший от гнева сосед.

– Знаешь, что я тебе скажу...

– Что? Что ты мне скажешь?

– Разговаривать тебе надо бы поучиться с людьми, а сейчас ступай отсюда. И кошке моей ты ничего не сделаешь. Вот так! А если сделаешь, то... Видишь, на колоде топор лежит? Будешь иметь со мной дело, если с кошкой моей что-либо случится. Да я и без топора с тобой разберусь, мальчик! – Василий по-прежнему говорил с невозмутимым спокойствием, но Юрий непроизвольно поёжился, словно от слов Василия на него повеяло ледяным холодом.

– Думаешь, справишься со мной? – хорохорился он.

– А чего не справиться-то? – отвечал Василий уже с усмешкой. – Ты сам подумай. Надеру тебе зад – все скажут про тебя: «Слабак, со стариком справиться не смог!» А если ты меня побьёшь, то скажут: «Вот урод – инвалида избил!» Нет у тебя шансов против меня! Ничего ты мне не сделаешь и кошке моей не сделаешь, а вот я могу. И самое интересное – мне ничего за это не будет. Иди и успокойся. Не говори слов, за которые тебе потом стыдно станет...

Не стоит думать плохого о Юрии. Он вполне воспитанный и адекватный человек. Очень любил своего пса Юрий. Он любил его не меньше, чем Василий Алексеевич любил Кисулю. Юрий вернулся к Василию вечером воскресенья, когда Колька со своей семьёй ещё не уехал с дачи. Юрий пришёл с примирительной бутылкой коньяка и в присутствии Николая и его Ленки принёс Василию извинения.

Жизнь человеческая скоротечна, и век её недолог. Казалось, совсем недавно мчался беззаботный ребёнок по утренней росе летнего луга, но оглянуться не успел, как уж годы немилосердные давят его, старого больного человека...

Уход Василия трагичен для него самого и для всех близких. Василий Алексеевич скончался, прожив семьдесят восемь лет и два дня.

За два дня до смерти Василий принимал поздравления от родных и друзей. Как всегда, в его доме гостей ждал накрытый стол. Василий Алексеевич очень любил застолье и гостей – милых сердцу людей. Он любил накормить досыта и напоить допьяна всех, да и сам не прочь был выпить. В свой последний день рождения он, в противоположность обычному поведению на праздниках, сидел грустный, молчаливый и задумчивый. Он совсем ничего не ел за столом и не пил, лишь пригубил единственную рюмку...

Через два дня после праздника вернувшийся с работы домой дядька Николая Толик, живший в то время с отцом, нашёл Василия почти бездыханным. Приехавшие довольно быстро по вызову врачи скорой помощи лишь развели руками: «Не довезём...» – жестокая правда. Василий Алексеевич умирал.

Смерть наступила из-за обширного инфаркта. Причиной, вызвавшей инфаркт, без сомнения, оказались две бутылки водки, выпитые Василием и убившие его. Что произошло и зачем он так поступил? Может, и не было у него никакого стремления таким образом покончить с собой? Позже стало известно, уж через кого – сложно вспомнить: Василий проговорился, что совсем недавно на очередном ежегодном плановом медицинском обследовании один из врачей сообщил о подозрении на онкологическое заболевание. Ему предписали пройти дополнительное обследование в госпитале...

Не хочется верить в то, что Василий убил себя. Скорее всего, он думал несколько дней и переживал, а потом решил всё же выпить. Он сидел один в пустой квартире и пил водку, не ощущая ни вкуса, ни опьянения...

Особые похороны. В грустной суетливой похоронной толчее среди множества людей и в маленькой квартире Василия, и в соседней квартире Тима, и на лестничной клетке этажа трудно было протиснуться. Гроб несли по лестнице несколько человек в полнейшем безмолвии. Когда гроб вынесли из подъезда, то взору спустившихся предстала картина полностью запруженного людьми двора. Около двухсот человек, а может и более, приехавших, не сговариваясь, на похороны, ждали во дворе: жители двух соседних заводских домов, коллеги, работавшие некогда с Василием, соседи по старой квартире и знакомые. Они приехали проводить в последний путь Хорошего Человека. Поскольку на отпевание в храм и на кладбище собирались ехать не все, да и невозможно это, пришлось устроить для пришедших гражданскую панихиду и прощание с Василием во дворе, поставив гроб на две лавочки, накрытые невесть откуда появившимся красным сукном.

Трое друзей присутствовали на похоронах: его внук, зять (муж внучки) и непутёвый соседский мальчик (крёстный четырёх правнуков и правнучек, которого он пестовал, словно родного). Картина похорон навсегда осталась в их памяти: гражданская панихида во дворе, отпевание в церкви, свежая могила на кладбище, гора венков и цветов, сто грамм в гранёной рюмке, накрытой черствеющим кусочком чёрного хлеба.

На поминках друзья напились до бесчувственного состояния. В середине следующего дня Тим и Лёха, страдая от страшных последствий поминок, буквально на карачках приползли в квартиру Василия, чтобы выяснить, куда вчера делся Николай. Они решили, что тот остался ночевать в квартире деда, но Кольки там не оказалось.

– Ну вы, ребята, вчера дали! Нельзя же так! – выговаривал им отец Николая. – Колька где? Вы разве не помните? Хотя куда вам... Домой его отвезли вчера на такси. Мать его увезла и Лена.

– Значит, он дома? Сейчас наберу его, – ответил Алексей, двинувшись к телефону, висящему на кухонной стене.

– Нет, Лёша, Коля на работе.

– На работе? Как же это? Он же вчера...

– Как? Так у него сегодня приёмка автоматики на объекте. И пропустить он не мог, да и никогда не стал бы. Раз обещал – должен быть. Лена сказала, что встал он в пять утра и до восьми себя в порядок приводил.

– Какой ужас! – воскликнул Дять.

– Ага, наглотался таблеток и поехал на работу: «весь зелёный и прямой, словно шест проглотил».

– Так сколько времени прошло?! Четыре часа дня уже!

– Нормально всё с Колькой. Позвонил он Лене недавно. Работу сдал, объект закончил и домой сейчас едет.

– Круто! – воскликнул Дять. – Под стать деду!

– Да, Дять, Колька очень на деда похож...

– Ну да, тут нечего и удивляться-то, – задумчиво пробормотал Алексей.

– А ты как думал, Лёша? Они же одна кровь, как и сын твой – Василий Алексеевич...

Три друга каждый год собираются неизменно в один и тот же октябрьский день – день Его кончины. Они проделывают полностью раз за разом, год за годом один и тот же путь: храм – кладбище – поминки. На ежегодных поминках, пусть кому-то покажется это неправильным, они напиваются, словно повторяя страшный ритуал того печального дня...

Глава 5. Скрытая цель

Помимо вполне понятной причины, собравшей друзей за поминальным столом, с недавних пор появилось ещё одно очень важное дело, точнее проблема, нуждавшаяся в срочном разрешении. Николай и Алексей, сначала каждый по отдельности, а затем вместе решили выяснить причины душевного кризиса, поразившего Тимофея. Выяснить и по возможности помочь другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.